

Анна Бойко

Не наша планета

фантастический роман

Анна Бойко

Ne наша планета

«Издательские решения»

Бойко А.

Не наша планета / А. Бойко — «Издательские решения»,

Ядерная война... Большая часть населения Земли уничтожена, а у оставшихся в живых ничтожно мало шансов уцелеть. Иная, более развитая цивилизация приходит на помощь обитателям планеты. Сооружает орбитальные станции и эвакуирует тех, кому посчастливилось выжить. За исключением вынужденной несвободы, на станциях люди обрели почти что рай. Безопасность, комфорт, бессмертие... вот только инопланетяне не так просты, как это может показаться на первый взгляд...

© Бойко А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Юлька	7
1	7
2	15
3	18
4	20
5	22
Часть вторая	23
Юлька	23
1	23
2	27
3	28
4	32
5	36
6	39
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Не наша планета фантастический роман Анна Бойко

*Не передать словами на бумаге
Как дуб могучий кряжист и ветвист,
Как стелется поземкой снег в овраге,
И падает последний алый лист.*
«Дни Одиночества»

© Анна Бойко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Поляна стремительно приближалась, и мохнатая зверюга начала потихонечку тормозить, заходя на посадку и едва не задевая лапами верхушки елей. Даго балансировал, стоя у нее на спине, – так лес просматривался немного дальше. Сердце колотилось как сумасшедшее. Он все-таки дождался... Только бы успеть.

Атике вспорола снег, пробежала по инерции пару шагов и резко затормозила. Эльф мягко спрыгнул и замер, настороженно наострив уши и сузив глаза. Аэлин нигде не было видно, но он точно знал, что она где-то здесь. Безошибочно нашел ее взглядом среди заснеженных деревьев и двинулся навстречу. Остановился в трех шагах, ноги не слушались. Еще не до конца веря, произнес:

– Это правда, ты?

– Правда, Даго, — улыбнулась как-то неуверенно и вдруг бросилась ему на шею. Плакала, а он молчал, не в силах поверить, что она действительно пришла. Застыл не в силах пошевелиться, словно чурбан. Как долго он ждал...

Она сделала шаг назад, улыбнулась сквозь слезы, поправляя свалившийся капюшон.

– Ты все-таки пришел...

– Это я-то все-таки пришел?! – деланно возмутился он, – да я здесь почти каждый день!

«Не почти, а каждый. Все отведенное время. И всегда жду тебя...»

– Даго... Я так рада тебя видеть... Ты себе даже не представляешь...

«Что сказать? Ничего он не может. У него ни на что нет прав. Да и ей это не нужно...»

– Я скучаю по тебе, Аэлин, – произнес он все же. Не смог удержаться. И не коснуться ее волос не смог. Маленькая, дозволенная самому себе слабость.

– Я не могу иначе. Ты же знаешь.

– Знаю, но что это меняет?

– Даго... спасибо за Атике.

– Не за что. Я тоже ее люблю. – «Я тебя люблю». – Она сильно по тебе тосковала, ждала у хижины, не ела ничего почти месяц. – «Больше месяца, я еле ее выходил, но тебе об этом знать совсем не обязательно. Тебе и так хватает... всего.». Я ей объяснил, что так она умрет и точно тебя не дождется. Она умная, поняла и послушалась.

– Бедная девочка... прости меня.

Атике нежно пофыркивала, доедая предложенные фрукты и пристраивая испачканную соком морду на коленях у светлой эльфийки. Та склонилась над крыланкой, ласково почесывая. А Даго не мог отвести взгляда от нежного совершенного профиля, изящных ушек, тонкой руки, украшенной браслетом.

– Даго, я...

– Тебе пора.

– Да. И я не знаю, когда смогу прийти снова.

– Я... буду тебя ждать. И она тоже.

Часть первая

Юлька

1

...Они возвращались домой довольные и усталые. Последнее время он только и делал, что пропадал на работе, Юлька и Сашка его почти не видели. В канун Рождества он, наконец, пообещал, что будет дома и сдержал слово.

Втроем они провели в парке почти целый день. Катались с горки, бесцельно шатались по ослепительно-снежным аллеям, пили особый, раскаленный и душистый чай из термоса и заедали хрустящим печеньем. Сверху невесомыми хлопьями опускался мокрый снег.

Зашли домой, пообедали наваристым, густым борщом, который, под хорошее настроение, на этот раз Юльке особенно удался. Переоделись в сухое и опять вернулись на горку.

Он фыркал как лошадь, галопом катая малышку по сугробам. Сашка заливисто смеялась, нарочно опрокидываясь с санок в снег. Юлька со счастливой улыбкой наблюдала, как они дурачатся.

На несколько минут выглянуло солнце, снег в его лучах празднично заискрился.

Мужчина запрокинул голову и, щурясь, смотрел вверх, наслаждаясь первым за много дней выходным. Выкопал в высоком сугробе нору, мелкая залезла в нее и не захотела вылезать, озорно сверкая глазами. Они, хохоча, вытаскивали ее вдвоем, извивались в снегу и промокли. Так легко и весело Юльке давно уже не было.

Начинало темнеть.

Пребывая в восторге от того, что любимый папа здесь, рядом, Сашка скакала по снегу точно щенок, кувыркалась, намочила уже третью пару варежек и наотрез отказывалась возвращаться домой.

Уговорить удалось не сразу и только под обещание почитать дома вслух любимую книжку.

Обратно малышка ехала лежа, свесившись с санок, стуча ногами в валенках по замерзшим деревянным планкам и наблюдая за мельтешившей под полозьями тропинкой. Юлька опасалась, что она так прямо и заснет, но обошлось.

Дома он зажег гирлянды и пару свечей, включил торшер рядом с диваном, а Сашка притащила потрепанную толстенную книжку про Фрекен Снорк, Снусмумрика и Муми-тролля.

Он читал.

Сашка и Юлька примостились с двух сторон и внимательно слушали. Они обожали такие вечера, которые выпадали не так уж часто. Юлька украдкой любовалась выразительным и очень, очень мужским профилем с упавшей на глаза непокорной прядью, смотрела, как шевелятся его губы и думала о том, что Сашка вскоре обязательно заснет, и тогда... Он внезапно оторвал взгляд от книги и глянул на Юльку. В глазах прыгали веселые чертики. Он точно знал, о чем она сейчас думает.

Сашка захотела есть, и Юлька пошла на кухню. Тут-то и выяснилось, что все как-то забегались перед праздниками и хлеб купить забыли. Не обнаружилось никакого, ни черного, ни белого. Она предложила напечь плюшек, но он внимательно глянул на нее:

– Юла, только этого для полного счастья тебе сегодня и не хватает.

И отправился за хлебом. Героический поступок, если учитывать, как они провели день. Совсем стемнело.

Юлька стояла у окна. Снег меховым покрывалом окутал тротуары, дома, скамейки в парке. Ватная тишина опустилась на город. Ветви деревьев, как в зимней сказке, под тяжестью снега пригнулись к земле. На шторах – причудливый узор гирлянды. Он так придумал, и их окно единственное во дворе, а может и во всем городе, светилось ночью заманчивыми мягкими огоньками.

Сашка копошилась в кровати, бормоча под нос что-то радостно-озабоченное, разбирала немудреные рождественские подарки – деревянную лошадку, любовно сделанного из ваты снеговика, ёлочки-леденцы. Пахло немного воском и мандаринами. Банальное, маленькое отдельно взятое счастье здесь и сейчас.

Он ушел всего десять минут назад, но она уже соскучилась. Стояла и думала, как хорошо, что он сейчас вернется, а не ушел навсегда. Глупые мысли, но если это и только это и есть самое главное?..

...Ослепительно-яркая вспышка резанула по глазам. От неожиданности Юлька заслонила ладонью и сделала шаг назад. Над горизонтом расплзалось нездоровое розово-желтое марево. В его центре неторопливо разрасталось вверх и в стороны зловещее-бесформенное клубящееся пятно.

Несколько секунд Юлька, не веря себе, смотрела, затем отшатнулась от окна, кинулась к кровати, подхватила Сашку. Глаза у малышки сразу стали в пол-лица (мамочка никогда не хватает без предупреждения и не смотрит ТАК), посадила маленькую на горшок, мимоходом подумала, что, слава богу, уже год, как не нужны памперсы... Стекла жалобно зазвенели, пол ощутимо дрогнул, посыпалась штукатурка. Юлька поспешно натягивала на дочь свитер и уличный комбинезон. Сашка замерла, как тушканчик возле норки, только испуганно хлопала длиннющими ресницами.

Юлька бестолково совала в велосипедный рюкзак паспорта, теплую одежду, несколько золотых колец и цепочек, муку, сухое молоко, соль и спички. Сашка порывалась выбраться из жаркой одежды, вертелась и негодуяще кряхтела. «Сейчас начнется рев... Если вдуматься, чего я суечусь, куда собираюсь? Подвал в доме маленький, всех не вместит. Да и не подвал это... так, цокольный этаж. А где в городе полагающиеся на такой вот случай убежища, я понятия не имею...»

Он влетел, когда она металась, задувая свечи и выключая свет.

– Не нужно, Юла, сюда мы вряд ли вернемся. Паспорта, деньги... все. И быстрее, бога ради, – голос немного севший, но очень собранный и спокойный. Он схватил маленькую в охапку и поволок на улицу. Сашка испуганно пискнула, но сразу замолчала, послушно обмякла и приникла к его куртке.

Паника стремительно надвигалась на город, мимо быстро шли и бежали люди с отрешенными или испуганными лицами, слышались гудки и завывания сирен. Хлопали двери, слышались вопросы тех, кто еще не видел или не осознал, что произошло. Тишина зимней сказки за эти несколько минут оказалась безжалостно растоптана, снег осыпался, обнажая черные, будто изогнутые в страдании ветви, под ногами чавкала грязно-снежная каша. А вот уже послышались первые крики о помощи, шум неумелой потасовки, звук разбиваемого стекла, грозное рычание, переходящее в захлебывающийся лай и визг...

У Юльки мелькнула мысль: «Если здесь так, то что же творится в Москве?!»

Улицы и проспект встали наглухо, со всех сторон слышались истеричные сигналы. Выбор остался между лёгкими в лавировании видами транспорта – мотоциклами, мотороллерами, велосипедами и попыткой двигаться пешком. Неизвестно куда.

Когда они добрались до гаража, замка на нем уже не было. Одна створка оказалась распихнута, но на старенькую «Оку» угонщики не польстились. А велосипеды, стоящие у закрытой по-прежнему створки, видимо не заметили. Он зафиксировал Сашку в велосипедном кресле Юлькиного велосипеда «Мам, пап, хочь в магазин!», закутал в свой старый свитер, забытый

с осени в гараже, окинул взглядом Юльку, проверяя экипировку, перехватил у нее рюкзак. Указал на свой велосипед:

– Прошу тебя, постарайся не отстать.

Нырнул в машину и достал из бардачка карту области и фонарик. Развернул, на секунду замер, соображая, и обвел ручкой небольшое пятнышко на карте километрах в двенадцати от города:

– Мы должны попасть вот сюда. Если потеряешься – добирайся сама, но во что бы то ни стало. Помни, ты нам очень нужна. На сотовый надежды никакой, сеть наверняка лежит.

Он сунул карту застывшей Юльке в карман. Нашарил на полке изоленту. Намертво примотал фонарик к детскому креслу так, чтобы свет не попал Юльке в лицо и включил:

– Батарейки должно хватить. Пожалуйста, не выпускай его из вида ни на секунду. – На мгновение прижался холодными твердыми губами к ее, провел пальцем по щеке, стирая слезинку, оценил степень паники и неадекватности, подтолкнул к велосипеду: – Давай, Юла.

От непривычки к зимней езде нога в высоком ботинке соскользнула с педали. Юлька чертыхнулась про себя и вцепилась в руль. Немного виляя, пристроилась следом. Хотя, если задуматься, куда он их тащит? За город, умирать в снегу?

– Послушай, куда...

– Береги дыхание, все потом.

Он взял не слишком высокий темп, знал ее обычную крейсерскую скорость. Но ехать по снегу в зимней куртке на выдавшей виды «Украине», с которой из-за маленького роста даже слезть толком не получается, удовольствие все равно так себе. Правда опасность придавала сил. Следом за ним, она свернула в какие-то узкие и темные закоулки, про которые до этого дня не имела ни малейшего представления. Здесь до сих пор было хоть и тревожно, но почти тихо, лишь издали долетали крики и нервные гудки. Снег на карнизах и крышах невысоких домов в свете редких фонарей сверкал нетронутой белизной.

Эти-то закоулки, как позже сообразила Юлька, видимо и спасли их от большинства желающих поживиться велосипедами. Только раз на нее откуда-то сбоку выскочил незнакомый дядька и, ни слова не говоря, рванул на себя руль. Она тихо взвизгнула и потянула в свою сторону. Свет карманного фонарика впереди исчез, а секунд через пять рядом раздался негромкий, но от этого не менее страшный голос:

– Мужик, это твоё?!

В короткой фразе явственно прозвучал рык защищающего свою самку зверя. Даже у Юльки ледяным морозцем продрало спину – ни до, ни после она не слышала таких интонаций. Дядька тихо охнул, отшатнулся и канул в темноту.

Раздалось тихое:

– Мама?

– Что малыш?

– Папа ой-ой-ой!

– Все хорошо, маленькая, – он мимолетно ободряюще улыбнулся Сашке одними губами, развернулся и свет от фонарика вновь заплескал впереди.

На выезде из города пришлось выбираться на крупную магистраль и, поминутно съезжая на обочину, лавировать между сигналящими и мигающими, как сумасшедшие, еле движущимися легковушками и грузовиками. В одном месте начинался пожар – три машины на обледенелой трассе столкнулись, одна загорелась. Ад на дороге, мат-перемат, вспышки мигалок, лед, – все слилось в Юлькином сознании в одно сплошное нечто. Она как во сне механически крутила педали и как заклинание повторяла про себя «Это скоро кончится, это скоро кончится...»

Километров через пять фонарик впереди свернул направо, и она с облегчением вслед за ним съехала на неприметное двухполосное шоссе. Шум и крики остались позади, наступила

тишина и почти полная темнота. Только жуткое зарево на горизонте освещало поля по сторонам и добросовестно расчищенный асфальт впереди.

Они долго ехали без происшествий и монотонная дорога, наконец, позволила ей слегка расслабиться и начать соображать хоть что-нибудь. Например, что эта двухполоска, обсаженная по обочинам ухоженными пушистыми ёлочками, оказывается, ей знакома. Года два назад, когда они еще только начали встречаться, он привозил ее сюда, в Николаевку. Показывал почти уже построенные двухэтажные уютные домики, придуманные небольшой архитектурной фирмой, принадлежащей ему и его приятелю. Проект поселка такого уровня, единственного в окрестностях города, будь он заказан архитекторам в Москве, стоил бы несметных денег. А местная, едва сводящая концы с концами фирма, взялась за него почти за бесплатно. Тем не менее, не прибавив денег, проект сильно повысил реноме фирмы, количество заказов у нее резко возросло...

Дорога вилась по живописной местности с полями и перелесками и закончилась изящнейшей в своей простоте кованой оградой со столбами из дикого камня. Спешившись, через узкую, чуть приотворенную калитку они проникли на территорию для обеспеченных граждан. Охраны на посту не наблюдалось, только следы поспешного бегства – распахнутая дверь в караулку, оброненная мужская перчатка...

Поселок выглядел необитаемым. Небольшие коттеджи из камня и дерева утопали в снегу по самые окна первого этажа. Каждый немного отличался от остальных – оттенком островерхих черепичных крыш, высотой каминных труб, рисунком наличников.

Дорожки были расчищены буквально к паре домов, но он проехал мимо. Бросив велосипед, подхватив на руки Сашку и, махнув Юльке, чтобы догоняла, по целине рванул к четвертому в ряду, стоящему чуть глубже остальных коттеджу.

Взбежав на крыльцо, передал Саню подоспевшей Юльке, присел на корточки и принялся быстро и тщательно сметать перчаткой снег с одной из балясин. Юлька, озадаченно наблюдала за его действиями, совершенно не представляя, что же они здесь делают... Собираются ограбить напоследок чью-то дачу?!..

Он достал прихваченную из гаража отвертку, вставил в какую-то едва приметную щель в пузатой балясине и сильно и резко нажал. Раздался скрежет, открылся небольшой тайник, содержащий нечто, судя по звуку, металлическое. Как поняла секунду спустя Юлька, это была связка с несколькими ключами.

Тяжелая дверь открылась мягко и бесшумно.

– Идите прямо, в коридоре – первая дверь направо. Там ждите, я сейчас...

Задавать вопросы было глупо и несвоевременно. Она подхватила Сашку на руки и на ощупь осторожно стала продвигаться в кромешной темноте. Из прихожей с шершавыми стенами они попали в коридор. Первая дверь направо вела, по всей видимости, на кухню. По крайней мере, в небольшом помещении светилось несколько синих индикаторов и что-то еле слышно гудело. Юлька налетела на массивный деревянный стол и тихо охнула. Поудобнее перехватила Сашку и прислонилась то ли к шкафу, то ли к холодильнику.

Из прихожей послышался звук шагов, он появился на пороге, ухватился за обидевший Юльку неподъемный стол и потащил его в угол. Она помогала, как могла, одной рукой придерживая дочь. Он встал на колени и чиркнул спичкой. На светлых, плотно пригнанных досках едва заметно выделялся окантованный латунью, состоящий из двух половинок квадрат. «Два на два, не меньше», – прикинула Юлька. В середине – втопленные в пол ручки-кольца. Он ухватился за одно, и половина квадрата легко подалась, за ней последовала вторая. Под створками, почти вплотную, обнаружилась металлическая поверхность. Один из добытых ключей подошел к скважине в центре. Послышалось тихое мерное гудение и пластина, неожиданно оказавшаяся очень толстой, стала уползать вбок, под поверхность пола.

Он лег, свесился в люк, зажег еще одну спичку, дотянулся и щелкнул тумблером. В тусклом электрическом свете Юлька увидела глубокую, круглого сечения, уходящую вниз метров на пять шахту. В полуметре начинались поручни и ступени вертикальной металлической лестницы. Он подхватил Сашку, расстегнул на ней куртку, а лямки от комбинезона крепко завязал у себя на шее.

– Юлька, ты первая, доберешься до низа – отойди в сторону и прижмись к стене, – он подал ей руку. Она успела только чмокнуть Сашку в холодную испуганную щечку...

Первую, далеко отстоящую ступеньку нащупала не сразу. Сказались нервы, ноги и руки ощутимо подрагивали. Путь вниз показался бесконечным, сердце колотилось. Наконец она почувствовала под ногами ровную поверхность, нащупала спиной стену и замерла, задрав голову. Он оказался рядом через минуту и, слегка задыхаясь, отвязал Сашку. Пол, на котором они стояли, оказался платформой подъемника. Велев им сесть в центр, он нажал большую черную кнопку на стене. Люк-подъемник неспешно пошел вниз. Из темноты проступила часть, по-видимому, довольно большого помещения с невысоким потолком и голыми бетонными стенами. На уровне пола подъемник замер. В полутьме он помог Юльке встать и подтолкнул их с Сашкой к центру помещения. Нажатие кнопки, и платформа плавно ушла вверх, закрыв собой отверстие в потолке.

Он щелкнул выключателем, Юлька настороженно осмотрелась. Неуютные лампы дневного света, вентиляционные короба, у стены справа – стеллажи до потолка, заполненные разномастными коробками. Слева вдоль стены шкафы, в углу несколько сложенных ширм, раскладушки и две двуспальные кровати. Стены в этом углу покрыты обоями с веселеньким рисунком. Напротив – длинный стол с двумя электроплитками и пластиковыми складными стульями вокруг. В другом углу – компьютерный стол, на нем небольшой дисплей и системный блок. Неприметная дверь посередине противоположной стены.

– Мама, я хочу домой, – тихо сказала Сашка.

Юлька слишком хорошо знала этот ее тон... и внутренне поежилась, ожидая продолжения.

– Не получится, маленькая, – так же тихо ответила она дочери и медленно опустилась на ближайшую койку. Ноги подкосились от усталости и внезапного понимания того, что все, дорога кончилась. Скорее всего, это последнее в их жизни пристанище. Сколько оно позволит им просуществовать, столько они и проживут...

– Это наш новый дом, Сашунь, – он присел перед девочкой на корточки, снял с нее шапочку и куртку, – давай посмотрим, что здесь есть интересного.

Губы Сашки поехали в стороны, из глаз брызнули давно сдерживаемые слезы. Она выхватила свою шапочку и, набекрень надевая ее, бросилась к Юльке:

– Мама домой! Я домой, мама, мама, – отчаяние было огромно, слезы текли по измученной, испуганной мордашке. И не существовало никакой возможности объяснить неизвестно за что наказанной так несправедливо и жестоко маленькой девочке, что происходит там наверху, как там страшно и невозможно выжить. Она же прекрасно знает, что там чудесный белый снег, горка, качели, санки, их уютная квартира с волшебными огоньками и свечками, любимые игрушки и ласковый соседский кот Барсик...

Истерика продолжалась полчаса. Передавая маленькую из рук в руки, они старались сделать, что могли. Он раздобыл где-то в недрах шкафа чайник и вскипятил воды, Юлька развела молоко и раскопала в своем рюкзаке самую важную вещь – слегка потертого зайца с коричневым мехом и поникшими ушами. Крепко обняв зайца и вцепившись в знакомую бутылочку, Сашка, наконец, уснула у мамы на руках, всхлипывая, вздрагивая и постанывая во сне. Минут пять они тихо сидели, потом Юлька осторожно положила девочку на одну из стоящих вплотную к стене раскладушек, накрыла одеялом. Присела рядом, подняла на него глаза:

– Ты мне теперь что-нибудь расскажешь?

– Да, и постараюсь покороче. – Он устало улыбнулся и притянул ее к себе. Юльке как-то сразу стало легко и безопасно. – Хозяева этого дома, точнее хозяйки – две почтенные леди, весьма состоятельные и неглупые. Они давно понимали – все, что произошло сегодня, могло произойти в любой момент и старались себя обезопасить. Выбрав место подальше и потише, они начали строить коттеджный поселок. Расходы не окупились, но это их не волновало. Главное, поселок позволил оправдать наличие забора, охраны, удобного подъезда и не вызвал никаких вопросов у местных властей – ну чужды пожилые дамы, что с них взять? Налоги уплачены, земля официально приобретена в аренду на долгий срок. Все чисто и законно.

Поселок строился своим чередом, дома постепенно продавались. Лишь один коттедж не соответствовал типовым проектам. Хозяйки оставили его в своем личном пользовании, «для выездов на пленер».

Рабочим-таджикам сложно, но возможно объяснить, что именно под этим вот строением грунт просто отвратительный, плывет и не держит нагрузку, и надо его вывезти. А раз уже все равно образовался котлован, то «большая-большая подвал делать». Ну а генератор и прочее необходимое оборудование было завезено и смонтировано позже, другими людьми, профессионалами именно в этой области. Их услуги и молчание обошлись раза в четыре дороже, чем проектирование и строительство всего поселка...

Проблема вышла с нами, с архитекторами. Придумывать и рассчитывать, не зная, что именно ты делаешь, без грубых ошибок невозможно. Поэтому меня и моего компаньона Марка пришлось посвятить в тайну. В результате возникла договоренность, согласно которой проект поселка создавался практически бесплатно. Зато в случае форс-мажора мы оба имели право воспользоваться бункером, и каждый мог привести с собой не более одного человека. Вот, собственно, и все, маленькая.

– Стан, если я правильно понимаю, кто-то из нас с Сашкой лишний, – сосредоточенно, по слогам выговорила Юлька. Она редко его так называла, только в такие вот переломные, решающие моменты.

– Не думаю, что две пожилые порядочные женщины потребуют смерти маленького ребенка или его матери. Тем более что Сашкины потребности не так уж велики, – он помолчал и, тщательно подбирая слова, добавил: – надеюсь, мы сумеем договориться. По крайней мере, я попробую...

По выражению его лица Юлька поняла, что условия, на которых они смогут остаться, не понравятся ни ему, ни ей, но спрашивать ни о чем не стала. Помолчала минут пять, и только хотела уточнить кое-что еще... как раздалось знакомое гудение, и подъемник пошел вниз. Юлька испуганно вскочила и поправила на Сашке одеяло так, чтобы девочку не было видно со стороны площадки.

Трио на опускающейся платформе выглядело весьма примечательно. Две седовласые, ухоженные дамы лет пятидесяти (одна в короткой дубленке, худощавая и бледная, вторая в кожаной куртке, отороченной серебристым мехом, грузная и слегка обрюзгшая) и молодой человек лет тридцати. В сравнении с породистыми спутницами он явно проигрывал. Коротко стриженные темные волосы, дешевая куртка, не отягощенное интеллектом лицо. В целом симпатичный, но не интересный. Только глаза не соответствовали. Взгляд цепкий, внимательный и напряженный, явно не упускающий ничего из происходящего вокруг.

Дама в дубленке шагнула в сторону с платформы, рукой в перчатке поправила и без того идеально уложенные волосы. Вторая надменно подождала, пока молодой человек предложит ей свою помощь, тяжело оперлась на его руку и неторопливо проследовала вслед за первой. Молодой человек, не сводя глаз с Юльки и Стана, отступил назад и нажал на кнопку, отправив подъемник на исходную позицию.

– Елена Дмитриевна, Инесса Львовна, – голос Стана звучал ровно и доброжелательно, – рад видеть вас в добром здравии.

Он вышел вперед, незаметно переместившись так, чтобы прикрыть собой Сашку. Юлька заметила его маневр и занервничала еще больше.

– Ах, Станислав Владимирович, голубчик, это вы! А мы уж думали, кто это на крыльце топтался, в прихожей наследил, стол подвинул... – дама в куртке, она же Елена Дмитриевна, светски улыбнулась. – Илюшенька, солнце мое, это свои.

– А что же Марк Анатольевич не пожаловали? – подключилась к диалогу Инесса Львовна.

– Марк Анатольевич в отпуске, как раз вчера собирался вернуться. Не знаю, дождемся ли...

– Ну да, ну да... – Елена Дмитриевна обвела рассеянным взглядом помещение, – ну что ж, знакомьтесь, это... племянничек мой, Илюшенька.

Губы Инессы искривила мимолетная саркастическая ухмылка.

– ...А это Станислав Владимирович, архитектор, с...

– С законной супругой, Юлией Алексеевной, – при этих словах Инесса Львовна слегка прищурила глаза и внимательно глянула на Юльку.

– А где же ребенок лет трех? – лениво осведомился «Илюшенька», выразительно изучая издаലെка кровать со спящей Сашкой, – до-олжен быть ребеночек, обладатель ма-аленьких таких ножек...

– Это моя дочь, Александра, – Станислав спокойно и внимательно смотрел на Инессу Львовну. Та молчала, зато Елена Дмитриевна холодно, с расстановкой произнесла:

– О, это новость. Не знала, что у вас есть дети, Станислав Владимирович.

– Только одна дочь. Не думаю, что ее присутствие станет большой проблемой, – Стас разговаривал с Еленой Дмитриевной, но продолжал не отрываясь смотреть на Инессу.

– Хмм, мне кажется, если Марк Анатольевич появится, и тем более не один, эта проблема станет актуальной, все оборудование на шесть человек рассчитано... ну на семь максимум. А пока... Пускай обе остаются. Хотя, конечно, шум и беспокойство... Или вы что думаете, Инесса Львовна?

Юлька стояла глядя в пол, ни жива, ни мертва. Женским чутьем она понимала, что лучшее, что сейчас можно делать, это молчать.

– Думаю, маленькому ребенку немного нужно, и он может остаться при любых условиях, – отводя глаза, сказала Инесса.

У Юльки отлегло от сердца – вопрос с Сашкой вроде бы временно решился.

Вот только зачем Стас назвал ее своей «законной супругой», если они не только не расписаны, но и не собирались этого делать? У нее была дурацкая девчоночья теория о том, что штамп в паспорте заставляет людей следовать определенным навязанным правилам и портит, в конечном счете, отношения. Год назад он предложил ей руку и сердце, внимательно выслушал эту ее теорию, приподнял бровь и сказал, что она все-таки неординарная девушка. И очень юная. Юлька, в свои двадцать три считавшая себя вполне взрослой, смутилась и перевела разговор на что-то другое. Больше эту тему не обсуждали.

– Ну-с, дорогие мои, давайте, что ли обживатьсь. Инесса Львовна, где у нас тут что? Что у нас тут где? Где жратва, например?

Елена Дмитриевна, решительно двинулась к стене со стеллажами, «племянник» нехотя поплелся следом. Минут через десять оттуда послышались сварливые комментарии:

– Господи боже мой, Инесса Львовна, это вы заказали столько рыбных консервов? Да мы здесь в котлов превратимся!

– Не успеем... – рассеянно отозвалась Инесса.

– А мыло у нас, значит, исключительно франХцузское-апельсиновое? Чудненько... – у стены что-то шумно упало.

– Инесса Львовна, а посуду мы в платяные шкафы складывать будем? А личные вещи куда? Туда же или на пол под койку? Очень романтично... А вы, Юленька, что думаете?

Юлька дипломатично улыбнулась и промолчала.

– Елена Дмитриевна, да кто же вам мешал самой этим всем заниматься? – не выдержала, наконец, Инесса. (Юлька подумала, что несмотря на примерно одинаковый возраст дам, про себя она называет одну Еленой Дмитриевной, а другую просто Инессой, и по-другому как-то не получается) – Вам все некогда и некогда, а у меня сами знаете сколько свободного времени в наличии... было.

– Милая моя, да если бы я еще и за этим следила, наш бизнес за неделю бы развалился...

– Главное, что есть вода и электричество, – устало сказала Юлька, чтобы прекратить бессмысленные препирательства. Сашка уже начала ворочаться и вот-вот собиралась высказать негодование по поводу внеурочной побудки.

– О, милочка, а не сделаете ли вы мне кофе? Хотя бы и растворимый, – тут же переключилась на другую жертву Елена Дмитриевна. Юлька без звука поднялась и направилась к столу. Слегка обидно, но поставленная цель достигнута – разгоравшийся скандал унялся, а Сашка так и не проснулась. Пока Юлька разыскивала в шкафах чашку, Стас так же молча принес чайник с водой, на секунду ободряюще приобнял Юльку и отправился искать в коробках кофе и сахар.

...Время было уже позднее, и все успели проголодаться. Несмотря на это, Инесса извлекла откуда-то из недр ящиков мотки с шерстью (Елена Дмитриевна демонстративно закатила глаза) и устроилась с вязанием на одной из двuspальных кроватей, которые, естественно, заняли дамы. Елена Дмитриевна продолжала вдвоем со скучающим Илюшенькой проводить инвентаризацию, поэтому за ужин взялись Юлька со Стасом. К чаю нашлись крекеры и шпроты. Пока Юлька пыталась из подручных материалов сервировать стол, а Стас вел раскопки в поисках ножей, вилок и ложек, Илюшенька галсами продвигался от Елены Дмитриевны в сторону Юльки. Достигнув цели, присел на край стола и внимательно заглянул ей в лицо. Взгляд был наглый, как у кота:

– А где это красивые девочки так шикарно сервировать научились?

– Илья, вы бы тарелки поискали что ли, а то прямо из банок есть придется. – Юлька устало отвернулась.

– Ой, какие мы суро-овые!

Подошел Стас и избавил ее от необходимости говорить банальности.

За столом Илюшенька как-то ненавязчиво очутился между Еленой Дмитриевной и Юлькой. Его колено немедленно прижалось к Юлькиному, и было это как-то особенно неприятно. Он как будто намекал, кто в доме будет хозяин. Юлька отодвинулась насколько смогла, чтобы этого не заметили окружающие, быстро перекусила и, сославшись на усталость, ушла застилать их со Стасом раскладушки и разбирать рюкзак.

– Может быть, девочка и мне постельку застелет? – интимно поинтересовался «Илюшенька», возникнув у нее за спиной. От звука его вкрадчивого голоса и от того, что он стоял так близко, Юльку передернуло. Она на секунду замерла, взяла себя в руки, повернулась с ясной улыбкой:

– Мне кажется, ты уже большой мальчик и тебе пора учиться делать это самостоятельно.

– О, уже на «ты», это прогресс! – он исчез так же бесшумно, как и появился.

Ничья, отметила про себя Юлька. Плохо. Привлекать к этой проблеме чье-либо внимание означало еще больше усложнить сложившуюся ситуацию.

Перед сном она заглянула в комнатку за неприметной дверью. До половины отделана серо-зеленым кафелем, в наличии раковина, душ и биотуалет. Все только самое необходимое. Аскетично и просто.

Погасили свет, только слабо светилась лампочка над дверью в санузел. Юлька отодвинула подальше от края спящую Сашку, подтащила свою раскладушку вплотную к ее, легла и закрыла глаза. Пришел Стас, неслышно прилег рядом. Она подвинулась, уступая ему немного места, провела ладонью по впалой небритой щеке, по взлохмаченным волосам, уткнулась носом в шею. Он подгрел ее ближе, прошептал: «утро вечера мудренее... спи», слегка коснулся губами лба и она стала проваливаться в сон.

2

...Юлька проснулась от холода. В помещении было градусов пятнадцать. Самостоятельная Сашка во сне стащила с нее одеяло и замоталась в два слоя, а Стас уже встал и куда-то ушел. Его раскладушка так и осталась нетронутой. Юлька поднялась, медленно осознавая, где она и что вокруг происходит. Чувствовала она себя не ахти, немного подташнивало, голова кружилась и слегка побаливала.

– Поздно вы что-то, Юлия Алексеевна, встаете – не упустила случая подпустить шпильку Елена Дмитриевна. Они с Инессой чинно пили кофе за столом, на другом конце которого высилась гора невымытой с вечера посуды. Илья, по-кошачьи плавно перемещаясь в дальнем углу, совершал какие-то сложно-замысловатые движения. «Что-то восточное... Кун-фу, карате?.. И судя по отточенности, он занимается этим профессионально и не первый год» – подумала Юлька.

– Доброе утро, Елена Дмитриевна, Инесса Львовна, как спалось?

– Да замечательно, дорогая моя, замечательно! – преувеличенно бодро отозвалась Елена Дмитриевна. Инесса бледно улыбнулась:

– Доброе утро, Юленька.

Подошел Стас, свежесбритый и собранный, развернул один из стульев и сел на него верхом, сцепив руки замком на спинке. Инесса при его появлении вскинула глаза и тут же опустила, словно обжегшись. Он поочередно глянул на каждую из женщин, помолчал и с несколько наигранным оптимизмом сообщил:

– Новостей несколько, есть хорошие, есть и плохие. Компьютер работает, но интернета нет, в эфире – ничего кроме помех. Посему узнать хоть что-нибудь о том, что делается в мире, возможным не представляется. Датчики на поверхности показывают приличный фон, у нас здесь, тем не менее, фон почти в норме.

– Что значит «почти»? – забеспокоилась Елена Дмитриевна.

– Имеется незначительное отклонение, на которое не стоит обращать внимания.

Елена покачала головой, но промолчала.

– Все оборудование в порядке, а собачий холод потому, что вчера никто не сообразил выключить режим консервации... Через полчаса будет примерно двадцать два градуса и пойдет более активный забор воздуха с поверхности и очистка – и, опустив глаза, совершенно иным тоном добавил: – думаю, Марк Анатольевич уже не появится.

Инесса внимательно выслушала, кивнула, поднялась и ушла к своему вязанию. Юлька налила себе и Стасу чая и присела к столу.

– Ну и когда же нас спасать-то будут, как вы думаете, Станислав Владимирович? – с этойкой нахрапистой бравадой в голосе спросила Елена Дмитриевна. Напряженный взгляд выдавал, что ответ ей и самой прекрасно известен.

– Да, по правде сказать, думаю, что никогда, Елена Дмитриевна, простите за пессимизм. Если бы интернет хотя бы был... Или радио работало. А так... Некому нас спасать.

– Вы, надеюсь, шутите, Станислав?

– Да нет, Елена Дмитриевна, не шучу. – Стас мельком глянул на Юльку. Та пыталась понять, зачем бывшая бизнесвумен из всех сил изображает недалекую особу. Развлекается, или просто так привыкла? – И Инесса Львовна, похоже, поняла это гораздо раньше нас с вами.

По роли, которую придумала себе Елена Дмитриевна, в ответ на эти слова вполне могла случиться истерика с валокордином. Но пожилая дама лишь улыбнулась по-змеиному:

– Ну, нет, Станиславушка, насчет Инессы вы не правы. Не это она поняла, совсем не это...

– Простите?..

– Бог простит. – Елена Дмитриевна тяжело поднялась и направилась в сторону Ильи: – Илюшенька, свет мой ясный, голова что-то побаливает, сделай-ка ты мне массаж что ли...

«Племянник» скорчил Юльке непередаваемую гримасу и без энтузиазма двинулся следом.

Стас посидел еще с минуту, залпом допил чай, резко поднялся и вернулся к компьютеру. Юлька увязалась за ним, постояла рядом.

– Юла, о чем она? – тихо поинтересовался Стас.

– Хочешь, чтобы я произнесла это вслух? Хорошо. Зачем вы им сдались, два наивных провинциальных архитектора? Конечно, они легко могли бы без вас обойтись, но Инесса влюбилась, и видимо, сильно. Уточнить в кого, или не стоит?.. Открыто признаваться в этом ей воспитание и возраст не позволяют, вот она и решила посвятить вас в ТАЙНУ. На всякий случай... Или чтобы ты что-то понял. И ты все прекрасно понял, иначе зачем было называть меня своей женой... – грустно закончила Юлька.

– Юла... – он потерся об нее носом. Она погладила его по голове и вздохнула украдкой.

Из угла слышалось щенячье шебаршение, и Сашка села торчком на раскладушке. Широко зевнула, выпуталась из одеял, посмотрела по сторонам и нацелилась реветь. Издала пару неуверенных всхлипов, потеряла глаза, заметила маму, подумала и театральным басовитым шепотом сообщила:

– Мама, писать. И ам-ам сейчас. Я хочу ам-ам, зая ам-ам... – Юльке был предъявлен проголодавшийся заяц.

Юлька подхватила мелкое, пушистое, теплое со сна, покружила и потащила в ванную и к столу кормить. После завтрака сдала малышку Стасу (та уже оживленно осматривалась и трещала без умолку) и пошла мыть посуду. Делать это кроме нее явно никто не собирался. Илюшенька тут же вызвался помочь, не столько вытирая и относя тарелки, сколько пытаясь «ненароком» притронуться к Юльке, куда-нибудь через нее дотянуться в тесной комнатке или прижаться. Никогда еще Юлька не мыла посуду столь оперативно.

Кое-как разобравшись с чашками и тарелками, она устремилась в комнату, под защиту Стаса и Елены Дмитриевны. Илюшенька увязался следом, но тут на помощь пришла освоившаяся на новом месте Сашка. Если строгих «бабушек» она еще слегка опасалась, то Илюша показался ей подходящим товарищем для игр. Наивно забравшись к «дяде Июше» на колени, она потребовала играть в «игго-го», затем попросила маму почитать (пара книжек в рюкзаке завалились еще с лета), папу и Илью поиграть с ней в догонялки, маму сделать чай... и дать печенье... и умыть грязную мордочку... Короче говоря, Илья позорно бежал часа через два, а Юлька занялась готовкой обеда. Собственно, готовкой – это было сильно сказано. Она разогрела пару банок фасоли и тушенку, а Сашке сварила гречневую кашу с молоком. Обед прошел в вежливом, но слегка напряженном молчании, и Юлька вновь оказалась наедине с грязной посудой. Илья читал вслух Елене Дмитриевне нашедшиеся в коробках журналы, Стас показывал Сашке что-то на компьютере, а Инесса опять вязала, не поднимая головы. К Юльке никто не приставал, и у нее, наконец, появилась возможность спокойно подумать.

Для начала она постаралась загнать как можно глубже панику, охватившую ее во время утреннего выступления Стаса. Будущее покажет, может он все-таки ошибся, может их когда-нибудь спасут... Думать, что жить им осталось всего несколько месяцев, пока не закончатся

ресурсы, не хотелось. Правда, жизненная практика показывала, что в подобных случаях Стас почти никогда не ошибается.

Ладно, надо попробовать сосредоточиться на более насущных проблемах. Распределение ролей явно было не в ее пользу. Она нервировала своим присутствием и наличием ребенка обеих дам, неизвестно которую больше. Учитывая сдержанность Инессы, Юлька предполагала, что ее. Она находилась здесь на птичьих правах, и это располагало к тому, чтобы попытаться сделать из нее прислугу и «мальчика для битья». К тому же, если «племянничек» продолжит в том же духе и Юлька не сумеет вежливо и незаметно поставить его на место, Елена Дмитриевна ополчится на нее всерьез. Или «племянничек» ополчится. Или Стас на «племянничка». Неизвестно, что хуже...

И чего, спрашивается, Илье от нее понадобилось? Развлекается, пытается отвлечься от мрачного настоящего и беспросветного будущего таким незамысловатым способом? Или он банально решил, что и Юлька сойдет за отсутствием иных представительниц слабого пола младше пятидесяти? Или хотел заложить основу своего лидерства, заручившись поддержкой хотя бы кого-нибудь в их маленьком мирке?

В любом случае, его поведение нервировало, выбивало из колеи и было потенциально опасно. К счастью, всегда все подмечающий Стас не выпускал Юльку из поля зрения и по возможности занимался с ней одним делом. Это говорило о том, что заходы Ильи он заметил, понял правильно и пытается мягко пресечь. Правда, когда он по-дружески трепался с Ильей, у него слегка темнели и суживались глаза, что говорило о том, что ее повелитель гневается не на шутку.

Положение Стаса тоже казалось каким-то неопределенным. Его приняли на равных, непринужденно с ним беседовали, но она чувствовала, что он рассчитывал на куда более теплый прием и теперь слегка растерян и не может решить, какой линии поведения придерживаться.

После посуды и небольшой уборки, она пошла укладывать спать Сашку, почувствовала, что здорово устала и прилегла вместе с ней.

...Когда она очнулась, часы показывали семь вечера. Дочери рядом не оказалось. Юлька в ужасе вскинулась, и, забыв о ботинках, как была босиком, метнулась из-за ширмы. Тут же заметила Сашку... и слегка оторопела: та с ногами забралась на широкую кровать Инессы и скакала по одеялу. Строгая дама вязала и что-то тихонько рассказывала. Как показалось Юльке, сказку о Снежной королеве. Стас с непроницаемым видом сидел напротив и перематывал шерсть из мотков в клубки. Лицо Инессы как будто светилось изнутри.

Пока ее не заметили, Юлька поспешно вернулась и прилегла, справедливо рассудив, что лучше ей пока не просыпаться. Минут пятнадцать она тихо лежала, притворяясь, что спит. Ни Ильи, ни Елены Дмитриевны поблизости не наблюдалось. Лежать одной в полутьме было скучно, и Юлька подумала, что пора начать как-нибудь шумно просыпаться, как вдруг вновь загудел подъемник и платформа пошла вниз.

Юлька настороженно приподнялась. Стас уже стоял, Сашка выглядывала у него из-за спины. Инесса спустила ноги с кровати и напряженно замерла. Из-за соседней ширмы показались Елена Дмитриевна и слегка помятый, недовольный Илюшенька.

Подъемник остановился. На платформе полулежал человек. Некоторое время Юлька вглядывалась, не узнавая. Затем глаза ее расширились от удивления. Марк! Он все-таки добрался...

– Привет честной компании! – охрипшим голосом, нарочито весело произнес вновь прибывший и добавил с легким оттенком иронии: – О, даже Юлия здесь. Здравствуй, Юлия!

Инесса слегка покраснела.

Всегда аккуратный Марк выглядел, мягко выражаясь, потрепанным. Шапка потерялась, во всклоченной шевелюре застрял какой-то мусор. Лицо обожжено, куртка местами испачкана копотью, кисти рук покрыты свежими ссадинами и порезами.

– Ну, чего смотрите? Живой я пока, не умер, хотя это как посмотреть... – он махнул рукой и неловко начал подниматься. Стас шагнул к нему, поддержал и помог сесть на ближайший стул. Инесса отправила подъемник вверх.

Марк прозаично сообщил:

– Пить хочу... и жрать. Умираю просто.

Стас налил воды из чайника, Юлька метнулась к плитке, разогрела фасоль и тушенку. Марк жадно вылебал воду и набросился на еду как голодная собака, чавкая и постанывая от удовольствия. Когда тарелка опустела, взгляд у него сделался совершенно осоловелым. Юлька с Инессой, как сумели, обработали раны йодом и фуорцином. Глубоких и требующих зашивания, к счастью, не оказалось. Инесса покопалась в аптечке и подобрала препараты, применяемые при лучевой болезни. Сначала Марк отказался принимать «всякую гадость, которую должен назначать только опытный врач», но постепенно Юльке удалось его переубедить.

Она застелила для Марка раскладушку, которую по общей договоренности отнесли к противоположной от остальных спальных мест стене. Присела рядом и попыталась выяснить, каким чудом ему удалось добраться до поселка, и что происходит в Москве. Он отвечал неохотно, злился, нервничал и гнал ее от себя:

– Иди на фиг, у тебя ребенок маленький.

В конце концов, Юлька оставила его в покое. Марк немедленно отвернулся к стене и сразу же забылся тяжелым сном.

...Пужинали сайрой и сухарями с чаем. Сашка погрызла чуть-чуть сухарей, но от разогретой каши наотрез отказалась.

Разобравшись с посудой, Юлька попросила у Инессы несколько мотков шерсти и спицы и принялась вязать дочери запасные носки. Стас пристроился рядом, прислонил к себе, ласково уткнулся носом в макушку. Юлька размякла и расслабилась впервые за день.

– Эх, Инесса Львовна, чего ж это мы с вами дивидюшничек с телевизором и дисками сюда не приволокли, или магнитофончик хотя бы, а? Забыли? – лениво зевая, поинтересовалась Елена Дмитриевна.

– Да я все как-то о еде и предметах первой необходимости думала... – рассеянно улыбувшись, откликнулась Инесса.

– Ну да, о рыбе и апельсинах... – язвительно буркнула Елена Дмитриевна.

Сашка скоро запросилась спать, и Юлька ушла вместе с ней. Засыпая, подумала, что Елена не отпускает Илюшу от себя ни на минуту и это просто замечательно.

Она несколько раз просыпалась от глухих стонов с дальней раскладушки, но в остальном ночь прошла спокойно.

3

Утром она проснулась под бодрую ругань и радостное попискивание: Стас с Ильей конструировали для Сашки веревочные качели, пустив на это дело один из стульев. Марк с постели давал ценные указания, что, собственно, и вызывало перебранку:

– Мужики, накренилось, ну накренилось же...

– А в какую сторону?

– Не пойму, но точно криво.

– ПАП, ХОЧУ КАЧ-КАЧ!

– Вот когда поймешь, тогда и скажешь! Сань, потерпи.

- Когда пойму уже поздно будет!
- Марк, отстань!
- Ребята, да вы веревку морским узлом вяжите, лучше держаться будет...
- Так, я морским делам не обучен, если знаешь – показывай.
- Да я понятия не имею, как их вяжут, просто слышал, что так надежнее...
- Вот когда узнаешь, тогда и будешь советовать.
- ПАПА, ПАПА, ХОЧУ КАЧ-КАЧ!

...За завтраком все, кроме Елены Дмитриевны, пребывали в более-менее приподнятом настроении. Марк заражал всех оптимизмом, Инесса отстраненно улыбалась своим мыслям. Юлька радовалась тому, что правильной оказалась последняя версия, и Илья оставил ее, наконец, в покое. Он, правда, несколько раздражал Стаса, бесцеремонно набиваясь в друзья, но врожденная склонность к дипломатии не позволяла тому открыто выразить свое отношение к происходящему. Стас был доволен, что его идея с качелями так удачно воплощена и порадовала Сашку, Илья – что у него получается дружить со Стасом и Марком.

Елена Дмитриевна поерзала на стуле и сварливо поинтересовалась:

– Инесса Львовна, голубушка, а нет ли у нас случайно какого-нибудь средства для укрепления волос? А то лезут и лезут проклятые, сегодня утром целый шиньон вычесала.

– Нет, Елена Дмитриевна, боюсь, что такую экзотику я точно не заказывала. Но есть йодид калия, цистамин, мексамин, батилол...

– Ну, на нет и суда нет, – Елена печально покачала головой и удалилась за ширму.

Марк, старающийся без особой нужды не подходить к остальным, быстро прошел в туалет, где, судя по звукам, его вывернуло, и вернулся обратно. Устроился поудобнее на койке. Все смотрели на него с легким испугом. Марк прищурился:

– Ну, чего смотрите, честная компания? Как думаете, обойдется? Или помирать я сюда пришел? – он криво улыбнулся, – Не надо нам было после рейса в гостинице ночевать, и чего, спрашивается, домой не поехали? Да кто же знал... Катька разнылась, «устала-устала»... Вот, теперь отдохнем... – он замолчал, лег и отвернулся лицом к стене.

Настроение у всех вновь испортилось, даже Сашка притихла, почувствовав настрой взрослых. Разлетелась было к «дяде Майку», но Юлька ее поймала и увлекла читать на кровать. Стас пару раз приносил Марку воду и лекарства, Юлька сварила для него жидкую овсянку. Он поел без аппетита и опять лег.

Остаток дня прошел в тишине, к вечеру стали на пустом месте возникать ссоры и перебранки. У Юльки разболелась голова, и она опять ушла спать пораньше, оставив маленькую Стасу. Она сразу провалилась в сон, но примерно через два часа ее что-то разбудило. Стас и Сашка спали на соседней койке, девочка как щенок уткнулась ему в живот и тихонечко похрюкивала во сне. Юлька улыбнулась.

Из-за соседней ширмы, где размещались Елена Дмитриевна и Илья, слышался истерический шепот:

– Блин, Ленка, да от него наверняка фонит на километр... Он, небось, в темноте светится!..

– Илюшенька, у нас с ним договор, мы не имеем права его выгнать!

– Да пошел этот ваш договор знаешь куда?! Кого он теперь волнует? Доходяга нас всех здесь угробит, он почти из эпицентра приперся. Выкинуть его на х..., пока мы все здесь не легли с ним заодно.

– Слушай, это бесчеловечно, в конце концов!

– А он с нами человечно поступает? Приперся, б..., плохо нам без него было...

– Тогда уж и девок этих надо повыкидывать, у них еще меньше прав здесь находиться, чем у него! – прошипела Елена Дмитриевна. «Все она видела и все неправильно поняла...», с отчаянием подумала Юлька.

– Да ладно тебе, Ленка, они-то чем провинились?
– А что ты за ней волоочишься?
– Не придумывай!
– А то я слепая...
– На себя в зеркало посмотри! – «Или это я все поняла неправильно...»
– Пшел вон, щенок!.. – послышался звон пощечины, секундная тишина и... звук смачной ответной оплеухи. Юлька задрала бровь.
– И думай в следующий раз, что делаешь и кто сильнее, – равнодушно прокомментировал Илья. Разговор оборвался, но заснуть до утра у Юльки уже не получилось. Марк чуть слышно постанывал в своем углу. Пару раз его вывернуло, и он долго шумел водой и откашливался.

4

С утра Елена Дмитриевна была бледна и молчалива. Даже не цеплялась по своему обыкновению к Инессе и не давала полезных советов по ведению хозяйства Юльке. Илья ни на шаг не отходил от Стаса. Видимо считал, что тот уже на его стороне. Юлька наметанным глазом видела, что Стаса это злит, но держался он по-прежнему вежливо и корректно.

На завтрак в очередной раз открыли банки со шпротами, достали крекеры и печенье. Юлька сварила рисовую кашу Сашке и Марку. Малышка опять отказалась, только сгрызла одно печенье и выпила молока. Стас отнес тарелку Марку. Вернулся, озабоченно хмуря брови.

А Инессу после завтрака стошнило. Из отделанной кафелем комнатки она вышла, держась за стену. Присела на стул и неуверенно улыбнулась:

– Видимо, сайра вчера попалась несвежая...

– Мда-а, сайра, конечно. Продуктов на пять месяцев запасли. Зачем, спрашивается? Надо было на все оставшиеся средства вертолет покупать... наверно, хватило бы. И брать с собой кого-нибудь полезного, кто не только кулаками махать умеет. А так, пока в пробке стояли, нахватались радиации. Не подумали мы... Ох, не подумали... – не удержалась Елена Дмитриевна.

– Крепка задним умом... старуха Изергиль, – процедил еле слышно Илья.

– Я?! Ах ты Рембо недоделанный! – возмутилась Елена, и Юлька поняла, что сейчас начнется пошлая базарная свара.

– Кошелка драная!

Елена Дмитриевна побагровела и набрала воздуха в легкие. Сашка, засунув палец в рот, с зачарованным интересом изучала орущих друг на друга дяденьку и тетеньку. Она никогда прежде не видела кричащих друг на друга людей и не слышала таких слов. Если только по телевизору. Но по телевизору много чего показывают... говорящих котов, например. Юлька со Стасом почти никогда не ссорились, так уж у них было заведено. А если разногласие все же случалось, то проблему обсуждали вежливо, не повышая голоса, стараясь выбирать время, когда Сашка спала. Долгие сутки ссоры никогда не длились, к утру обиды забывались.

Правило завел Стас. До него Юлька часто скандалила с матерью и считала это совершенно нормальным. Когда она по привычке попыталась в первый раз наорать на Стаса, он искренне удивился и огорчился. Так искренне, что ей стало стыдно, и больше она таких попыток не совершала.

Воспитатель в Юльке лихорадочно подыскивал для Сашки правдоподобное объяснение происходящему.

– Илья, а почему вы, собственно, позволяете себе такие выражения по отношению к даме? Я не намерен терпеть в адрес Елены Дмитриевны подобные высказывания! – тихо, но твердо произнес Стас.

Илья вскинул голову, хотел ответить... но, оценив расстановку сил, понял, что на его стороне никого не окажется. Встал, злобно сузив глаза, шутовски расшаркался:

– Простите мя, грешного, занесло дурака, больше не повторится!

Засунув руки в карманы и независимо насвистывая, он удалился в сторону компьютера. Спустя пару минут оттуда послышались приглушенные звуки стрельки, которую вчера обнаружил Стас. По-видимому, ленивый системщик забыл стереть игрушку перед сдачей компьютера в эксплуатацию заказчицам, и вот теперь она пригодилась.

Марк заворочался, выбрался из-под одеяла, сел и негромко хмыкнул. Юлька взглянула на него и обмерла. Лицо и руки молодого человека покрылись красными пятнами, а кое-где и небольшими язвочками, глаза лихорадочно блестели.

Она подошла, присела на корточки:

– Марк, у тебя температура? Чем помочь? Что принести?

– Яда! – бодро, как всегда, ответил Марк и добавил шепотом: – скажи своему ковбою, что порядочность еще никогда и никого до добра не доводила. Надеюсь, Илья его не зарежет ночью кухонным ножом. Это надо, такого козла при всех унизить!..

Юлька тяжело вздохнула. Стас всегда сам все решал и привык отвечать за свои поступки. Ее слова ничего бы не изменили, тем более что в глубине души она считала, что он поступил хоть и опрометчиво, но совершенно правильно.

Во время обеда Илья унес свою тарелку в дальний угол, а после демонстративно ее вымыл. Он ни с кем не разговаривал и старался держаться особняком.

Юлька уложила Сашку и устало присела к столу с вязанием. Неожиданно Инесса пома-нила ее к себе. Удивленная неожиданным вниманием, Юлька, послушно подошла. Седовласая дама, чуть прищурившись, окинула ее оценивающим взглядом. Как будто мерку сняла.

– Юленька, подождите, я сейчас... – легко вскочила с кровати, развернулась на каблуках, подошла к своему шкафу и распахнула дверцы. Вернулась обратно, держа в руках симпатич-ный полосатый свитер, новенькие джинсы, смешные тапочки с ушами и какой-то пакет:

– Вот, мне кажется, вам будет в самый раз... – отводя глаза, сказала Инесса.

– Ну, что вы, Инесса Львовна, зачем, не надо, еще один свитер у меня точно найдется... – смутилась Юлька.

– Милая моя, – голосом учительницы младших классов отчеканила Инесса, – насколько я понимаю, все, что у вас есть из одежды – это то, что сейчас на вас. Плюс свитер. Вы в этом так и собираетесь, не снимая, ходить? – и сухо добавила: – Берите, берите, это не последнее.

Понимая, что она права, Юлька не стала больше отнекиваться. Поблагодарила, взяла вещи и уединилась в комнатке. Там не спеша, с удовольствием, насколько это было возможно при тонкой и едва теплой струйке из душа, вымылась. Рост у них с Инессой оказался при-мерно одинаковый, так что с длиной проблем не возникло. Зато выяснилось, что размер ноги у Инессы чуть меньше и тапочки Юльке слегка малы, но вероятно поддадутся разноске. В пакете обнаружился комплект нижнего белья, и весьма откровенного... Бюст у Инессы, насколько успела заметить Юлька, больше размера на полтора, поэтому лифчик она сразу отло-жила в сторону. Примерила джинсы. В талии слегка велики, а вот в бедрах жмут. «Конечно, роды еще никому фигуру не улучшили...» – с грустной улыбкой подумала Юлька.

– Ну, подошло? Вот и замечательно, – окинула ее критическим взглядом Инесса и вер-нулась к своему вязанию.

Марк к вечеру окончательно слег, растерял всю браваду, и сразу стало видно, насколько ему плохо. Он хрипло, с присвистом дышал, вздрагивал всем телом, кутаясь в одеяло. Один раз не успел добрести до туалета, и его стошнило прямо на пол. Юлька собралась было убирать, но Стас ее прогнал и сам пошел за тряпкой. Тем не менее, кровь на полу она заметила...

Часов в семь Сашка начала капризничать, укладываться головой ей на колени и жаловаться, что холодно. Юльку и саму познабливало. Она пощупала маленький лобик и пошла за градусником. У малышки оказалось почти тридцать восемь. Она опять отказалась от ужина и попросилась спать вместе с мамой. Юлька опасалась самого плохого. Ее тоже слегка мучило, хотелось лежать и не шевелиться.

Вскоре и остальные разбрелись по кроватям в унылом молчании. Со стороны Марка доносилось тихое поскуливание, кашель и стоны. Юльке действительно стало казаться, что он светится в темноте.

5

...Новое утро не принесло облегчения. Илья сидел с ногами на раскладушке, завернувшись в одеяло и нахохлившись, точно больная хищная птица. Завтракать он не стал, только выпил чая. Инессу опять тошнило, Стас периодически едва заметно морщился, а это, Юлька знала, был явный признак того, что у него сильно болит голова. Обычно ласковая и спокойная, Сашка хныкала, куksилась, вредничала и просилась домой. У Юльки сердце разрывалось от жалости и любви, но чем она могла помочь? Марк лежал, отвернувшись к стене, и если бы не тяжелое дыхание, Юлька подумала бы худшее. У нее и у самой ломило затылок, и ощущалась небольшая температура.

Одна Елена Дмитриевна делала вид, что все в порядке. Заварила чай, удобно расположилась за столом и аппетитно захрустела печеньем. Но и она, судя по бледному лицу и резко обозначившимся кругам под глазами, чувствовала себя неважно.

Юлька с Сашкой на руках и Стас подсели к Марку. Тот, не открывая глаз, вяло попытался их прогнать, но быстро уgomонился. То ли понял, что уже бесполезно, то ли у него просто кончились силы. Юлька укачивала Сашку, едва слышно шептала немудреные детские стишки и считалки, напевала знакомые песенки. Ближе к обеду Стас помог им с малышкой перебраться на их раскладушку. Они легли, обнявшись.

Инесса и Елена с Ильей обедать тоже не стали.

Марк хрипло, не своим голосом попросил пить. Стас с трудом поднялся, налил в кружку воды, подошел к нему. Неожиданно погас свет, осталась только пара аварийных лампочек. Юлька приподнялась, еще не осознавая, что происходит, положила успокаивающе руку на теплую Сашкину спинку. На большее у нее просто не было сил...

Раздался гулкий удар, стены затряслись, с потолка посыпался мусор. Еле слышно вскрикнула Инесса. В следующее мгновение потолок над ними просел, а в дальнем углу, где находились Марк и Стас, судя по жуткому грохоту, обвалился. Наступила крошечная темень. Юлька хотела закричать, но не смогла, пропал голос. С минуту она расширившимися от ужаса глазами всматривалась в то место, где всего минуту назад стоял Стас. Потом сознание милосердно отключилось.

Уже проваливаясь в спасительное забытие, на размытой грани небытия и реальности, Юлька увидела яркую вспышку...

Часть вторая

Юлька

1

Ей снились сны...

Было такое ощущение, что вся жизнь проходит перед глазами. Иногда она, буквально на долю секунды, на один взмах ресниц, выныривала из сновидений. И тогда казалось, будто она парит в невесомости, в полутьме, которую прорежают размеренные неторопливые всполохи сине-зеленого света.

...Снилась мать. Миниатюрная, худенькая, усталая женщина, которая на скромную зарплату учительницы младших классов одна воспитывала Юльку. Отец испарился, когда дочери исполнилось годика полтора. Посчитал, что маленький ребенок – слишком большая нагрузка на его нежную ранимую психику. Финансовая помощь с его стороны окончательно прекратилась спустя год. Он уехал из Брянска, где они тогда жили, чтобы начать новую жизнь. Юлька его совсем не помнила, и знать о нем не желала.

В пору детства она была легкомысленна, лазила с мальчишками по многочисленным оврагам и крышам гаражей, играла в казаки-разбойники, купалась в Десне. Вела бродячий образ жизни и старалась реже приходить домой, где на нее обрушивался груз материнского педагогического опыта. Содранные коленки, тройки в школе, мелкое хулиганство и безобразия продолжались лет до тринадцати.

...В тот день мать застала ее за воровством яблок из сада через дорогу, крепко взяла за руку и привела домой. Юлька ожидала обычного крика до хрипоты, но ничего подобного не произошло.

– У тебя нет никого, кроме меня, а я не вечна, – сухо, глядя мимо нее, сказала мать. – Если ты прямо сейчас не возьмешься за ум, тебя ждет весьма незавидное будущее. Судьба проститутки. Или алкоголички. Впрочем, если постараться, ты сможешь совместить. Только запомни – и те, и другие долго не живут.

Материнское спокойствие и непривычная отстраненность действовали на Юльку гораздо сильнее, чем все предыдущие скандалы. Она занялась учебой и даже пошла по стопам матери – смогла поступить в БГУ, Брянский государственный университет на социально-педагогический факультет. И все у нее, возможно, сложилось бы иначе, если бы еще на первом курсе она не встретила Сашкиного отца.

...Иван был года на два старше Юльки, блестяще учился на юридическом, и все преподаватели в один голос пророчили ему великолепную карьеру и скорый переезд в Москву. Всесторонне подкованный, начитанный и, безусловно, умный, он обладал способностью почти в любой ситуации принимать нестандартные решения. Казалось невозможным представить себе, чтобы он чего-то не сумел, не смог или не знал.

Но Юлька замечала и кое-что еще... Иван легко шел по головам, всегда добиваясь только выгодных для него результатов. Спал с лаборанткой именно той кафедры, с которой могли наметиться проблемы; всегда знал, какой комплимент сделать пожилой преподавательнице или билеты на какой спектакль мечтает достать преподаватель по профилирующей дисциплине.

Некрасивый, немного сутулый, хотя и неплохо сложенный, в целом он производил странное впечатление. Его внешность существовала как бы отдельно от него и не имела для Юльки никакого значения. В нем чувствовалась какая-то внутренняя сила, которую можно было срав-

нить только со стихийным бедствием. Вокруг Ивана всегда вилась компания из постоянно меняющихся знакомых и друзей. Он ни секунды не сидел без дела, постоянно заводил новых приятелей, расставался со старыми, куда-то ездил, что-то затевал, пропадал, появлялся...

Неискушенная во взаимоотношениях полов Юлька попала...

По утрам, в любую погоду, прячась за массивными конусами колонн, она караулила Ивана у входа в университет. Знала наизусть расписание занятий и всегда старалась лишний раз пройти мимо двери его аудитории. Обеденные перерывы проводила в его любимом кафе. С независимым видом ждала над неизменной чашкой чая – на большее у нее не хватало денег. А он появлялся всегда в окружении шумной компании и рассказывал что-то интересное, к чему Юлька безуспешно пыталась прислушаться.

Отношения со студенткой-первокурсницей не сулили никакой выгоды, но восторженный взгляд симпатичной девчонки на секунду привлек его внимание. Иван снисходительно ей улыбнулся. Юлька была не в его вкусе, ему нравились миниатюрные утонченные брюнетки, но об этом она узнала позже... А тогда он подошел к ней, обмершей от страха и счастья, и завел непринужденную беседу ни о чем. Результатом беседы стало приглашение в драматический театр. Поход не состоялся по уникальной причине – именно в этот день часы перевели на зимнее время, и несобранная Юлька опоздала на целый час. Увидев время на уличных часах, она рвала на себе волосы и придумывала тысячи вариантов, как ей добиться прощения. Ни один из них не пригодился...

На следующее утро, маясь после бессонной ночи, она поджидала его в дверях. Иван не сразу ее заметил, мельком ободряюще улыбнулся, бросил: «Хорошо выглядишь», и... побежал по своим делам. Пару месяцев он с Юлькой не заговаривал, только небрежно кивал при встрече. Она сходила с ума, не находила себе места, стала хуже учиться.

...Как-то в декабре она засиделась в библиотеке и, уже собираясь домой, столкнулась с Иваном в гардеробе. Вместе вышли на завьюженную улицу, и он внезапно предложил прогуляться на Покровскую гору. Путь предстоял неблизкий, было темно и холодно, руки оттягивала тяжеленная сумка с книгами, но отказать Ему она не могла. Минут через десять молодой человек забрал у нее сумку, пронес метров сто и вернул с обаятельной улыбкой: «нет, Боливар не вынесет двоих...».

Почти час они бродили по старому городу, и это казалось Юльке настоящим счастьем. Он болтал ни о чем, перескакивая с темы на тему. Рассказывал немного об архитектуре, об истории, о себе. Ловил, когда она поскальзывалась, и даже какое-то время вел за руку. Проводил до подъезда, отказался от чая и растворился в темноте. До этого дня Юльку никто никогда не провожал и не держал за руку.

Она надеялась, что на Новый год он хотя бы позвонит, но телефон молчал.

...Он опять пробежал мимо, всегда куда-то опаздывая. То бросал на ходу «как дела», то отпускал незамысловатый комплимент, то молча кивал, улыбаясь каким-то своим мыслям. Несколько раз она замечала, как он уходит с занятий с очередной молоденькой барышней, сжимающей в руках «щедро» подаренную розочку. Видела и то, как он увивался вокруг новенькой практикантки с кафедры иностранных языков. Но ревновать не смела и чувствовала благодарность даже за мимолетный интерес.

Так прошло три года. Раза два за семестр, или чуть чаще, Иван неожиданно приглашал ее в какой-нибудь музей или на прогулку. Ему нравилось мучить неопытную девчонку рассказами о своих бесконечных подружках. Он наслаждался ее неумело замаскированным отчаянием и как будто подпитывался им. Ему было весело. Со стороны могло показаться, что Юлька стала для него наперсницей, которой поверяют самые сокровенные тайны. На самом деле, она превратилась для него в забавную игрушку.

Ей бывало плохо после таких встреч, но заставить себя отказаться от следующей, каждый раз оказывалось выше ее сил...

Он рассказывал о «глупенькой Наташке, Верочке, Люсеньке»:

– Нет, ты представляешь, она решила, что если выйдет за кого-нибудь замуж, то я к ней вернусь...

О «странной Машеньке, Любочке, Женечке»:

– Милая девочка, но почему она думает, что если пригрозит мне своим отцом, то я на ней женюсь? Ну, с какой стати?

Список имен казался бесконечным.

А Яну он назвал другом и своим парнем. Ни словом не упоминая о каких-то более близких отношениях. Стало понятно, что он потерял для Юльки навсегда.

Яна, высокая, длинноногая и молчаливо-умная блондинка с плавными движениями, появилась в его жизни, когда он оканчивал последний курс. Она совсем не походила на его обычных девиц и приехала в Брянск из Москвы по каким-то своим делам.

Главным испытанием для Юльки стало то, что он, очевидно, рассказал Яне о ней и ее наивной детской влюбленности. Та при встречах посматривала на Юльку с легкой насмешкой и никогда не здоровалась.

Юлька все понимала, но поделаться с собой ничего не могла. Власть Ивана над ней была безгранична. Она бегала за ним как собачонка, заглядывала в глаза и прощала что угодно за один благосклонный взгляд.

Между тем, отношение к ней Ивана оставалось исключительно дружеским. Он даже ни разу ее не обнял. Юлька сначала воспринимала это как должное, а после появления Яны почему-то решила, что если он лучше ее, Юльку, узнает, то все изменится. Она не хотела его, женщина в ней еще не проснулась, но к поставленной цели двигалась целеустремленно, как торпеда. С напором, наивностью и азартом юности.

...В последние несколько лет на майские праздники мать уезжала в Москву. Побродить по музеям, по старым улицам, постоять на набережной и вообще побыть одной. Юлька дождалась ее отъезда, разыскала в университете озабоченного последней сессией Ивана и позвала к себе домой на чашку чая. До этого она никогда и никуда его не приглашала, стеснялась, боялась сделать что-то не так.

Молодой человек глянул с веселым удивлением и согласился.

– А Яна на нас не обидится? – спросила она подрагивающим от волнения голосом, проводя нехитрый тест.

– На что? – очень искренне удивился Иван.

...Он возник на пороге, опоздав на полчаса. Вручил ей небольшую коробку конфет и одинокую розочку. Прошелся по их бедно обставленной трехкомнатной квартире, оставшейся в наследство от бабушки. Окинул взглядом вышитые салфеточки на серванте, древний телевизор, потертый ковер. С вежливым удивлением поинтересовался, как это она умудряется обходиться не только без интернета, но и без компьютера... Юльке стало неловко и отчего-то стыдно.

Она притащила из кухни запотевшую бутылку шампанского, поставила на журнальный столик в гостиной. Добыла из шкафа свечу и погасила свет. Он расположился на диване, вел себя скромно, не пьянел, выспрашивал, не нужно ли ей помочь с подготовкой к экзаменам.

Со двора доносились ленивая ругань и взрывы хохота загулявшей компании. Стояла теплая, нехарактерная для начала мая погода. Юлька никогда не пила больше трети бокала на Новый год, и полбутылки шипучки в такую жару заставили ее почувствовать, что море по колено и все в ее руках. Глупая, опрометчивая, пьяная решимость... И тут он неожиданно засобирался, объяснив, что у него назначена встреча.

Юлька стремительно поднялась, пошатнулась и сказала, что сейчас придет. В ванной кое-как неуклюже сорвала с себя легкомысленный сарафан и осталась в нижнем белье – алом и, как она позднее поняла, чудовищно вульгарном. Эта красота обошлась ей почти в шесть сти-

пендий, и ее приобретение тщательно скрывалось от матери. Мазнула взглядом по зеркалу, осталась собой довольна, хотя ничего толком не разглядела. Руки плохо слушались, ноги тоже, голова почти ничего не соображала.

...Она уже стояла в коридоре, когда запоздалое «Зачем?!» коснулось затуманенного сознания. Впрочем, останавливаться казалось поздно и глупо, и она решительно шагнула на порог комнаты. Дрожащая от собственной наглости и почти протрезвевшая от страха. Увидев дивное видение, Иван на секунду оторопел, поднялся навстречу и чуть удивленно улыбнулся. Фальшиво пропел: «А девочка созрела...».

Юлька слабо представляла, что именно должна делать, инстинкты молчали. Она подошла к нему вплотную и беспомощно замерла, опустив глаза. То, что происходило дальше, она вспоминать не любила. Нет, ничего такого... он вел себя осторожно и предупредительно, не издевался над ее неопытностью и взял все в свои руки. Вот только она так и не почувствовала себя с ним единым целым. Было немного больно, неловко, странно и... никак. Юлька ожидала, что будет совсем по-другому и теперь не могла разобраться в собственных чувствах. Она покорно дотерпела до конца. Иван буднично ушел в ванную, вернулся и неторопливо оделся. Юлька молча встала, чтобы его проводить. Смотрела в сторону и зябко куталась в халат, несмотря на то, что по-прежнему было тепло.

– Оставайся такой всегда, Юля, – сказал с непередаваемым выражением и закрыл за собой дверь. Юлька задумчиво постояла на пороге, прислонившись плечом к обшарпанному косяку. Включила свет, набрала полную ванну горячей воды, налила много пены, забралась и закрыла глаза. Она испытывала настоящую потребность заново собрать самую себя из мелких и острых осколков...

Прошло четыре дня.

Юлька стояла на привычном месте за колонной и шепотом декламировала под стук сошедшего с ума сердца любимую Матвееву:

Любви моей ты боялся зря —
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой,
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде...

Неподалеку Иван сумасшедше тискал и целовал Яну. Его глаза лихорадочно блестели, сумка валялась под ногами. Яна, полузакрыв глаза, лениво и снисходительно ерошила густые волосы у него на затылке. Юльку они не заметили...

В тот день она прогуляла занятия. Полдня бродила по городу, сидела на речном берегу и кидала в воду камешки. Ей было как-то на удивление легко и свободно. Словно она сбросила тяжкий груз последних нескольких лет и осознала, что Иван ей абсолютно безразличен. Юлька как будто очистилась и освободилась для новой жизни. Если бы ее спросили, она бы не смогла объяснить толком, что именно произошло. Не в поцелуе было дело, и даже не в той ночи. Просто весы с добром и злом качнулись, наконец, в нужную сторону.

На следующий день она отыскала Ивана в библиотеке, подошла и бесцеремонно облокотилась на стол:

– Надо поговорить... Недолго.

Он лениво поднялся и вразвалочку последовал за Юлькой, вероятно ожидая очередного монолога о неминуемом замужестве.

Она прислонилась к стене неподалеку от входа в библиотеку:

– Иван, я достала тебя своей любовью... И хочу, чтобы ты знал. Больше я не буду тебе докучать. Никогда. Даже не посмотрю в твою сторону. Клянусь. – Она легко улыбнулась, дружески кивнула, стремительно развернулась и оставила его в коридоре, слегка изумленного и, похоже, не знающего, что подумать.

А через четыре недели ее стошнило. И на следующее утро еще раз...

Мать устала воспитывать Юльку, и когда в двадцать лет ее непутевая дочь заявила, что будет рожать неизвестно от кого, это подкосило ее окончательно. Она замкнулась в себе, начала ходить в церковь, перестала замечать дочь и никак не отреагировала на рождение внучки. Через полгода после появления Сашки на свет, мать слегла с воспалением легких, да так от него и не оправилась...

Юлька осталась одна с маленькой дочерью на руках, незнакомая с реальной жизнью и напуганная полным отсутствием перспектив. Документы из университета пришлось забрать – надо было на что-то существовать, да и крошечную Сашку оставить не с кем.

К слову сказать, Иван сдал сессию на одни пятерки и уехал тем же летом в Москву вместе с Яной.

Они и впрямь не перемолвились ни единым словом. Он для Юльки как будто умер.

2

...Она приходила в себя, сознание медленно возвращалось, будто отвыкнув от тела. Мягко, тепло, есть, чем дышать...

Юлька осмотрелась. Утопая в подушках, она полулежала на широкой кровати под балдахином.

Просторная комната, на полу – пушистый ковер цвета топленого молока. Глубокие кресла возле камина, весело потрескивает огонь. Стены – светлые обои в едва различимую мелкую полоску. Наличники дверей и каминная полка покрыты темной, будто отшлифованной временем резьбой. Массивные балки под высоким потолком, тяжелые шторы закрывают окно.

Рассеянно проведя рукой по шерстяному пледу, Юлька отрешенно произнесла:

– Не думала, что загробный мир может принимать столь причудливые формы.

Собственный голос показался чужим. Во рту пересохло, да и руки слушались не слишком хорошо.

– А он и не может, – слышалось сбоку, из-за спинки кровати.

Юлька резко повернулась, и комната слегка закружилась перед глазами. У изголовья стояла женщина лет сорока пяти, полноватая, небольшого роста, в строгом платье в крупную клетку. Волосы с легкой сединой уложены в пучок на затылке. В целом, благообразный вид домоправительницы времен викторианской Англии. Глаза с доброжелательным любопытством изучают Юльку. В руках у незнакомки – огромная, исходящая паром глиняная кружка.

– С возвращением. На-ка, выпей, пока не остыло... – «домоправительница» поставила кружку на небольшой прикроватный столик. Юлька послушно глотнула. На вкус напиток походил на клюквенный морс с добавлением каких-то трав. – Тебе как проще, послушать немного, или задавать вопросы?

– Сашка... – севшим голосом произнесла Юлька.

– Сашка жива, и все ваши живы. Правда у Марка психика пока не полностью восстановилась.

– Где она?!

– Не переживай ты так, спит.

Домоправительница повернулась и, отодвинув занавесь, показала на деревянную кровать, укрытую кисейным пологом. Только теперь Юлька расслышала привычное родное сопение.

– А вот так резко вскакивать тебе пока не следует, голова закружится. С ней все в полном порядке, – незнакомка сделала подозрительное ударение на «с ней».

– А... Стан?

– Стан, это Станислав, я полагаю? – утвердительно произнесла собеседница, опустила взгляд и разгладила рукой складку на платье.

Юлька нервно сглотнула и кивнула.

– Он тоже жив... – она замолчала так красноречиво, что у Юльки захолонуло сердце.

– Но?

– Травма была слишком серьезной. Он потерял память, Юля. Не совсем, но последние три года не помнит. Вы с Сашкой для него – посторонние люди.

– О господи, «Санта-Барбара» какая-то, – вымученно улыбнулась Юлька, – как же мне это Сашке объяснить? А шансы, что он все вспомнит, есть?

– Боюсь, что нет, девочка моя...

Что-то мешало дышать, брызнули слезы и оставили на щеках горячие дорожки. «Я... мы для него больше не существуем». Понять до конца не получалось. Юлька сделала глубокий вдох и постаралась взять себя в руки.

– Как вас зовут?

– Зови меня тетушка Адамина.

– На Москву сбросили атомную бомбу?

– На Земле случилась ядерная война. Удару подверглись Москва, Нью-Йорк, Пекин, крупнейшие промышленные и стратегические объекты. На планете творится ад кромешный. Ваш бункер мог бы несколько месяцев продержаться, но... не повезло.

– Кто начал войну?

– Да не важно, кто начал, деточка. Важно, что неумные это были люди. Нет их больше, и слава богу.

– Сколько нам осталось... в смысле, мы сильно облучились?

– Шесть случаев лучевой болезни средней тяжести, один тяжелый, плюс масса различных хронических, запущенных и только зарождающихся болячек... хм... – тетушка Адамина неожиданно улыбнулась. – Да много вам еще осталось, много, не переживай. Все расскажу, но не сейчас. Сейчас вы поспите часика два, а когда проснетесь, выходите к остальным. Познакомьтесь, осмотритесь и ждите меня – буду вводить вас в курс дела. Одежду найдешь в шкафу.

Юлька провалилась в глубокий сон.

3

...И опять ей снилось прошлое. То, что уже не вернуть.

После смерти матери жить стало не на что, и единственным решением, которое пришло в голову, стала продажа просторной трехкомнатной квартиры. И переезд. Из Брянска, где прошло детство и все напоминало о не самой счастливой юности, в тихий городок N***ск неподалеку от Москвы.

Здесь ее никто не знал. Вырученных от продажи денег хватило на небольшую однокомнатную квартиру и почти год сносного существования. Десятимесячная Сашка росла на диво спокойной, ласковой, доброжелательной, что не могло не удивлять, учитывая, кто ее отец и что пережила и переживала за время беременности ее мать. Малышка много спала, хорошо ела, благодарно радовалась любому пустяку, а Юлька стала похожа на оголодавшую одинокую волчицу. Замкнутую, боязливую, огрызающуюся на любое обращенное к ней слово. Улыбка

освещала ее лицо только при виде дочери. Она не верила никому, старалась не заводить новых знакомств и почти все время проводила дома, выходя только в магазин, сберкасса, поликлинику или на прогулку.

...Стоял конец ноября. Юлька катила магазинную тележку с подпрыгивающей от удовольствия Сашкой мимо полок с разноцветными баночками и пакетами... и увидела Его. Высокий, худощавый, слегка небрит. Черное пальто, стильные ботинки, строгие офисные брюки. На шее небрежно, как на вешалке, болтается шарф невообразимой расцветки. Несколько прядей волос, спадавших на темные, точно омуты, глаза, выкрашены в платину. Выверенные, отточенные движения, стремительная походка.

Юлька залюбовалась без всякой задней мысли. Возможно потому, что незнакомец выглядел полной противоположностью крепко сбитому, русоволосому и сероглазому Ивану. В какой-то момент поймала на себе характерный оценивающий взгляд... и не задержала его внимания. Действительно, пуховик, вязаная шапочка до бровей полностью скрывает волосы. Ничего интересного. Зато Сашке он улыбнулся и смешно шевельнул носом, очень похоже на кролика. В ответ малышка расплылась в щербатой искренней улыбке. Он ушел, а Юлька осталась стоять...

– Мама, мама, – дочь ерзала, не понимая, почему тележка не едет. Юлька опомнилась и быстро пошла дальше.

На следующей неделе она видела его дважды. Оба раза он появлялся примерно в одно и то же время, брал готовые салаты, булочки и спешил к кассе. Один раз они нос к носу столкнулись на улице, но молодой человек ее не узнал.

Четыре дня он не попадался ей на глаза, и у Юльки невольно испортилось настроение. Договориться с собой не получалось несмотря на то, что не было сомнений – она вновь навязывается тому, кому не нужна. Вопреки логике, Юлька перебралась из пуховика в короткую курточку с меховой оторочкой, шапка осталась на подзеркальнике в прихожей. В магазин тянуло как магнитом, и на пятый день ей повезло. Она повернула за угол и чуть не врезалась в него тележкой. Молодой человек успел резко затормозить в узком проходе и, невольно остановившись, всмотрелся внимательнее, чем в первый раз.

– О-па, крушение не состоялось... – его глаза смеялись – С вами все в порядке, девушки?

– Да, спасибо, – Юлька тоже улыбнулась, откровенно его разглядывая. – Простите, пожалуйста, я слишком разогналась...

– Ничего страшного, так даже интереснее. Жизнь скучна без приключений...

Юлька смутилась.

– Ау, Стас, ты куда исчез? – из соседнего прохода показался невысокий широкоплечий парень в бежевой куртке. Лукавой улыбкой он немного напоминал доктора Ватсона в исполнении Соломина. – Ага, с прелестной барышней заводишь знакомство. И, как всегда, без меня.

Юлька смутилась еще больше и покраснела:

– Здравствуйте.

Дала задний ход и стала неуклюже выбираться на открытое пространство. Рука в перчатке ухватила за другой край тележки и ловко, в два приема, вывернула ее куда надо.

– Спасибо, нам пора...

– Надеюсь, еще увидимся... – темноволосый Стас окинул ее с ног до головы внимательным взглядом, который обжег и отключил на секунду мысли. Юлька моргнула, стараясь прийти в себя. Молодой человек отпустил тележку и кивнул на прощание. Его друг, чуть пожав плечами и смущенно улыбнувшись, последовал за ним. Щеки горели, и Юлька машинально прижала к ним ладони. Сердце готово было выскочить из груди.

Два дня прошли как во сне. Она беспричинно улыбалась, напевала, кружилась по комнате. Безумно хотелось увидеть его, дотронуться, взять за руку. Хотелось все-все про него узнать. А если у него кто-то есть, отбить. И никогда-никогда от себя не отпускать. Раньше

подобные мысли и ощущения были ей незнакомы, и, что удивительно, они ни в малейшей степени не походили на то, что она испытывала к Ивану.

На третий день они столкнулись у кассы... Юлька высматривала его в толпе, гуляла у магазина, но все-таки пропустила. Он кивнул ей, как старой знакомой, и жестом предложил пройти перед ним. Юлька благодарно улыбнулась и послушалась.

Она набрала картошки, капусты, молока, получились две тяжелые сумки. И тут Сашка решила, что самое время внезапно устать и проехаться до выхода из магазина у мамы на руках. Она уже с месяц вполне сносно перемещалась, держась за ручку, и подобное требование было чистой воды хулиганством, что Юлька и попробовала ей втолковать. Сашка оставалась непреклонна. Она жалобно тянула вверх ручки и готовилась зареветь.

– Давайте я помогу, – он прошел кассу, забрал свой пакет, подхватил две ее сумки и остановился, поджидая. Она на миг растерялась, затем взяла Сашку на руки.

– Спасибо, Стас, вы меня просто спасли. Не знаю, что на нее нашло...

– Не за что, где вы живете?

– У нас коляска на улице, дальше не надо, мы сами...

– Надо-надо, вам еще до квартиры добираться. С коляской и покупками. Кто же от бесплатной помощи отказывается?

Сопротивляться дальше не было ни малейшего желания. «Да что он, в самом деле? Пытается за мной ухаживать?!»

– А на работе не будут искать?

– Будут. Но обойдутся. Знаете, я передумал, за доставку придется заплатить, – Юлька невольно насторожилась, – таинственная незнакомка назовет свое имя.

Она представилась. И постаралась скрыть счастливую и неуместную улыбку.

Обмениваясь ничего не значащими фразами, они неторопливо двигались в сторону дома. Юлька исподтишка его изучала – неровно стриженная челка, брови, одна из которых приподнята ироническим уголком, длинные ресницы, четко очерченные губы. Слишком хорош. Или пара ребятишек и безнадежно счастливый брак, или он маньяк, который душил одиноких жертв разноцветным шарфом.

– А я – Станислав. Вот и познакомились. А то позавчера за мной Марк увязался, вчера не успел добежать раньше вас до кассы. И сегодня еле-еле догнал, кого-то чуть с ног не сбил. Уж очень вы шустры. А на улице холодно стоять, мороз, знаете ли... – его глаза смеялись, но создавалось впечатление, что говорит он чистую правду.

Юлька приостановилась:

– Вы хотели со мной познакомиться?

– Может быть, перейдем на «ты», а то как-то официально получается.

– Да, конечно, но зачем?

– Что зачем? Переходить или знакомиться?

– Знакомиться. Стас, если вы... ты не заметил, у меня ребенок.

– И муж?

– Нет, мужа нет. – Юлька покачала головой.

– А в чем тогда проблема? Мама рассердится?

– Нет у меня мамы, Стас, и вообще никого кроме Сашки нет. Вот этот дом, спасибо огромное, дальше мы сами.

– Ну уж нет, до двери провожу обязательно, даже не рассчитывай так легко отделаться. – Он шутил, но глаза сделались немного встревоженными. «Точно маньяк!». Впрочем, отчего-то хотелось ему доверять, а в собственном чутье Юлька сомневаться не привыкла.

У двери квартиры она нерешительно замялась.

– Холодно... может, выпьешь чаю?

– Может, выпью чаю.

Она напоила его чаем. И накормила обедом. Пока Юлька жарила картошку, он развлекал Сашку. Стоило Стасу на секунду отвлечься, как нахальная мелкая деловито добыла у него с пальца массивный перстень и принялась с грохотом катать по полу. Пользуясь тем, что Сашка занята, он бесшумно встал, подошел вплотную к Юльке, осторожно, как бы спрашивая разрешения, обнял за талию и привлек к себе. Юлька замерла и прикрыла глаза. Они совпали друг с другом абсолютно идеально, как две половинки амулета. Время остановилось, она впервые почувствовала себя Дома.

После работы он вернулся к ней, а через неделю переехал окончательно, виновато объяснив:

– Есть квартира, но, к сожалению, в Москве. Здесь я снимаю. Детей и животных велено не пускать.

Юльке было все равно, где у него квартира и кто он такой. И совершенно плевать, что порядочные девушки через неделю после первого разговора не пускают к себе домой и в постель малознакомых мужчин. Она знала только, что умрет, если он исчезнет.

Первый Новый год она встречала так, как всегда мечтала. С любимыми мужчиной и ребенком, с мандаринами, свечами, пирогами и нарядной красавицей-елкой, которую Стас притащил с другого конца города, с единственного елочного базара. Они вместе ее наряжали, смеялись, смешили и пугали Сашку. Малышка восторженно, снизу вверх изучала громадное колючее чудо, настороженно осматривала мишуру и игрушки, шумно нюхала мандарины и еловую смолу.

...В один из вечеров, подперев щеку рукой и зачарованно наблюдая, как он сноровисто режет салат, она спросила:

– Отдыхаешь от жены?

– Нет, – ответил он с наигранной легкостью. – Работаю. У нас с Марком архитектурная фирма. Проектируем частные дома, небольшие магазины и коттеджный поселок. А жены нет. Уже два года как. Ушла к одному богатому дяденьке.

– Ты поэтому переехал из Москвы?

– Переехал поэтому, а остался потому, что понравилось работать с Марком и здешними заказчиками. Обратно пока не тянет.

– А почему я? Чужой ребенок – не самое приятное дополнение к женщине. К тому же порядочной девушке положено с мужчиной знакомиться, встречаться, не подпускать к себе близко как минимум месяц...

– Ну, во-первых, мне не пришлось лишать тебя невинности... – он лукаво подмигнул. – Занятие может и почетное, но хлопотное и не доставляющее обычно девушке никакого удовольствия.

Юлька улыбнулась и зарделась от его прямолинейности.

– А во-вторых... – Стас посерьезнел. – Если ты хоть в малейшей степени чувствуешь тоже, что и я, то вопрос не имеет смысла. Я не могу без тебя и не хочу тебя потерять. А Сашка замечательный, добрый и чудесный человечек.

– А если у меня такая привычка – менять мужчин, как перчатки?

– Тогда тебе пора остановиться, женщина...

Юлька подошла и прижалась к нему, нахально запуская руку под рубашку – ей не терпелось ощутить теплую кожу, ее губы исследовали, присваивали и требовали безоговорочной власти... Пальчики гладили, едва касаясь, его спину. Он тихо, чтобы не разбудить Сашку, застонал, подхватил ее на руки и отнес на кровать. Ужин нечаянно отложился на неопределенное время...

Она ни о чем не просила, но те деньги, что он оставлял на полочке в прихожей, увеличились с Сашкой бюджет раз в пять.

Стас не курил и никогда не пьянел, даже если ему случалось выпить с заказчиками. Никуда не пропадал, и, если задерживался, всегда звонил. Как-то ненавязчиво он подружился с мелкой, и ее вторым словом после «мамы» стало «папа». Он всегда находил для малышки свободную минуту, никогда не повышал голоса, был терпелив и заботлив.

С ним Юлька неизменно чувствовала себя легко, спокойно и просто.

– Что ты во мне нашел?..

– Тебя, – отвечал он убежденно.

Самые счастливые два года в Юлькиной жизни, которые закончились так внезапно и непоправимо.

А летом они собирались поехать туда, где песок, море и пальмы... и завести кого-нибудь в пару Сашке. Теперь это вряд ли когда-нибудь случится.

Юлька всхлипнула и проснулась.

4

Минуты две она приходила в себя и осознала, где находится. Ничего стоящего внимания, кроме разговора с таинственной незнакомкой, не вспомнилось. В камине по-прежнему потрескивало пламя, в комнате, кроме нее и спящей Сашки, никого не было. Юлька откинула плед, спустила ноги с кровати и осторожно встала. Теперь она чувствовала себя отдохнувшей и как будто помолодевшей. Ничего не болело, ушли симптомы лучевой болезни, зверски хотелось есть. Она склонилась над кроватью. Сашка улыбалась во сне и выглядела здоровой, только ее личико казалось слегка повзрослевшим.

Подошла к окну, отодвинула штору. День, оттепель, ничем не примечательная улочка или переулок. Потрепанный жигуль у обочины, ни единого человека, ни малейших следов катастрофы. Где они очутились?

Не без опаски приоткрыла узкую дверь рядом с камином и заглянула. Ванна на вычурных львиных лапах, нежно-фисташковый умывальник, стопка пушистых полотенец на деревянной скамеечке, лохматый коврик. Юлька умылась, (в качестве приятного отступления от английских канонов, кран оказался один, и воду не требовалось смешивать в раковине) и замерла, глядя на свое отражение. Лицо приобрело матово-персиковый оттенок, морщинки у глаз разгладились, кожа стала гладкой и шелковистой. Волосы блестели, и казалось, что они стали гуще. Легкая паника охватила Юльку. «Что происходит?!»

Из комнаты послышался характерный быстрый топоток и неуверенное:

– Ма-ма... ты де?

Юлька вышла, поймала и подхватила на руки. Уткнулась носом в белые, пахнущие чистотой и ее ребенком, волосики. Кажется, вес прибавился...

– Мама, я спала, спала, спала. Выспалась. А де папа?

– Ох, маленькая, папа у нас тоже спал-спал и все-все забыл.

– А я все-все помню.

– Ты молодец. Папа тоже, может быть, все-все вспомнит...

– А де он?

– А вот мы сейчас умоемся, оденемся, причешемся и пойдем искать.

– Я ам-ам. Мама, де зая? – детские губки начали кривиться. К счастью, заяц нашелся в кроватке. И это, кажется, была единственная вещь, перенесенная из бункера...

Юлька сдвинула деревянную панель шкафа и не поверила глазам. Ее гардероб всегда отличался аскетичностью, разве что за последнюю пару лет положение изменилось к лучшему... Увиденное ошеломяло. Слева на плечиках – бесконечное, как показалось на первый

взгляд, разнообразие одежды для нее, справа – для Сашки. Внизу в несколько рядов выстроились всевозможные туфли, сапожки и ботинки.

Немного придя в себя, Юлька перебрала несколько нарядов и остановилась на белой водолазке, замшевом, расшитом бисером сарафане и сапожках в тон. Пока она переодевалась и не без удовольствия разглядывала себя в зеркале, Сашка решительно вытащила из шкафа ярко-оранжевые штаны-комбинезон, темно-коричневые ботинки с красными шнурками и пестрый свитер с жирафом на животе. Юлька улыбнулась про себя, но менять ничего не стала. Помогла одеться, зашнуровала ботинки.

Ручка второй, более широкой и массивной двери удобно легла в ладонь, мягко повернулась. В комнату проник тонкий цветочный аромат, послышались шум бегущей воды, птичий щебет и свист. Просторное двусветное пространство. Диваны, напольные вазы с цветами, высокие клетки с попугаями. Множество одинаковых дверей, две стеклянно-металлические лифтовые шахты, одна напротив другой. Широкая деревянная лестница по дуге ведет на второй этаж. На намоленном до блеска полу – несколько шкур. Пять основательных столов в окружении стульев, небольшой фонтан с рыбками, камин, огромный экран.

Что-то казалось странным. Спустя минуту, Юлька поняла. Замкнутое пространство. Вид из окна говорил о том, что они находятся на первом этаже, но выхода на улицу нигде не видно. «Как же так?»

Кроме них с Сашкой по холлу растерянно бродили, осматриваясь и перекидываясь отдельными словами и фразами, еще человек десять-пятнадцать. Кого-то Юлька знала, кого-то нет. Присутствие некоторых оказалось для нее полной неожиданностью. Она выдохнула, взяла Сашку за руку и решительно двинулась вперед.

– Мамочка, как ксиво! – громким шепотом сообщила дочь и вдруг с криком: «Папа, папочка!» рванулась вперед. От неожиданности Юлька не сумела ее удержать.

Сашка на полной скорости подлетела к Стасу. Тот поймал ее, вежливо улыбнулся, глянул сочувственно и немного удивленно:

– Привет, маленькая, я похож на твоего папу?

Юлька подошла, обняла Сашку, прижала к себе. Он смотрел вопросительно, явно ожидая объяснений.

– Ты действительно нас не помнишь?

Станислав ошарашено моргнул, помолчал, видимо стараясь понять, не послышалось ли. Осторожно уточнил:

– Не помню. А... должен?

– Что происходило перед тем, как ты оказался здесь?

Теперь в его глазах читались настороженность, непонимание и отстраненность. Приподняв бровь, он с сомнением оглянулся на Марка, Елену и Инессу. Те озадаченно вслушивались в разговор, не спеша принять в нем участие. Наконец Марк не выдержал:

– Ты что, Юльку не помнишь?

– Нет.

– А что помнишь?

Стас смущенно кашлянул, сосредоточенно нахмурился и неуверенно произнес.

– Как Инесса Львовна с Еленой Дмитриевной посетили наш офис... Мы им сообщили, что проект поселка окончательно согласован, и можно приступать к строительству. Они обрадовались... Мы их проводили, слегка отметили вдвоем, и я пошел домой спать... Проснулся уже здесь. А вас я совсем не помню, милая барышня.

– Да что с тобой, Стас?! Вы же два года вместе, – поразился Марк.

– Несколько дней назад вы назвали эту девушку своей женой, Станислав Владимирович, – вмешалась Елена Дмитриевна.

– Кому? Где?

– Нам. В бункере.
– В... каком бункере?
– Про бункер, это долгая история...
– Хорошо, про бункер временно забудем. – Стас начал нервничать. – Э-э-э... Юлия, вы моя жена?!

Юлька хотела ответить, но Марк ее опередил:

– Вряд ли. Я бы знал. Вы просто жили вместе...
– Так... а малышка?
– Вы сказали, что это ваша дочь, Станислав, – тихо проговорила Инесса.
– Сколько же ей лет? Если предположить, что я с вами... Юлия... знаком два года, то ей не больше годика должно быть...

– Мне тли, – твердо сказала Сашка. – Папочка, ты что, забыл?
– Ей почти три, будет через пару недель, – зачем-то уточнила Юлька.
– Нет, баушка сказала, мне уже тли! – с вызовом повторила Сашка.
– Какая бабушка?
– Котолая чужая.
– Понятно. – Юлька задумалась.
– Насколько мне известно, когда вы познакомились, ей как раз и был годик, – попытался внести ясность Марк.

– Точнее, десять месяцев, – механически поправила Юлька, пытаясь сдержать готовые хлынуть слезы. Не сейчас. И не здесь.

– То есть она не моя, но я ее называл своей. Так получается?
– Да, Станислав, так получается, – слегка улыбнулась Инесса.
– И что, я обо всем этом ничего не помню?
– Ну, с той встречи в офисе, о котором ты упомянул, прошло года три, не меньше. Стас помотал головой.
– Чушь. И бред... – с чувством произнес он.
– Тем не менее, это правда, – Марк огорченно покачал головой.
– Странно... Она говорила много чего, но вот о потере памяти не сказала ни слова.
– Кто?
– Тетушка Адамина, так она, кажется, представилась.
– Ага, а что она говорила?
– Чтобы я не беспокоился, все будет в порядке, мне все объяснят... В общем, ничего такого. Я еще подумал, что все это шутка. Или это и правда розыгрыш, уважаемые дамы и господа?

– Нет, Станислав Владимирович, это не розыгрыш. И произошло за это время многое. – Инесса тихонько вздохнула. – Например, Москвы, судя по всему, больше нет. В нее попала ядерная ракета. Впрочем, я в этом совсем не разбираюсь. И, наверное, началась Третья мировая война. А почему мы все еще живы и где находимся, нам еще только предстоит узнать.

– Значит, все-таки розыгрыш!

Негромкий, но убедительный голос тетушки Адамины раздался, кажется, сразу отовсюду:

– Мои дорогие невольные гости... Приглашаю всех отобедать. А после вы непременно узнаете, где находитесь и почему. Рассаживайтесь, пожалуйста, за столы, кому где удобнее.

– Юлия, вы позже все расскажете, хорошо? – Стан знакомым машинным движением взлохматил Сашке волосы, та замерла, а у Юльки екнуло сердце. Он кивнул им обоим и повернулся к своим. Разговор прервался.

Понятно было только одно. Она для него больше не существует. Она и Сашка... Захотелось убежать обратно в комнату и как следует выплакаться... но малышку следовало покор-

мить. Да и самой желательно съесть хоть что-нибудь. А еще необходимо узнать, что их ожидает и действовать сообразно ситуации... Ох, как непросто.

Юлька выбрала стол подальше от других, села и устроила рядом Сашку. Скатерть почти до пола, рядом с каждым прибором – толстая кожаная папка с меню. К ним неуверенно подошла симпатичная рыженькая девчушка лет пятнадцати и застенчиво остановилась, взявшись двумя руками за спинку стула.

– Присоединяйся, если хочешь, – пригласила Юлька.

– Спасибо, – девушка нерешительно улыбнулась и присела к столу, – а как ее зовут?

– Ее Сашка, меня Юля. А тебя как?

– Соня. Мама увидела, что я родилась рыжей и сказала, что другого имени не может и представить... – губы девочки страдальчески дрогнули.

– Твоей мамы здесь нет?

– Нет, она... там осталась... И папа тоже. Тетушка Адамина сказала, что их не успели спасти. А я ничего не помню, на нас что-то упало, меня по голове стукнуло, и очнулась я уже здесь... – на глазах девушки появились слезы, и Юлька поспешила сменить тему:

– Случайно не знаешь, где мы?

– Нет, но тетушка сказала, здесь безопасно. Обещала позже объяснить.

– Понятно... А тебе знаком кто-нибудь из присутствующих?

– Нет, к сожалению.

– Давай посмотрим, что нам предлагают поесть... – Юлька раскрыла меню и, наконец, осмотрелась. Елена Дмитриевна, Инесса, Стан и Марк заняли один из столов возле фонтана. Инесса что-то втолковывала Стасу. Он качал головой, видимо, возражал.

За другим столом расположились люди, присутствие которых удивило Юльку ничуть не меньше, чем чудесное пробуждение в незнакомом месте. Яна, с немного отросшей стрижкой, накрашенная, но невообразимо печальная и вся в черном. Какой-то мужчина с военной выправкой, лет шестидесяти пяти, очень на нее похожий. И... Юлькин сосед по подъезду, Данила Александрович, который издали поймал ее взгляд, ободряюще кивнул и слегка улыбнулся.

Еще за одним столом застыла в молчании странная пара. Юноше лет восемнадцать, девушке – около тридцати пяти. Он – худенький, темноволосый, несчастный и весь какой-то зажатый. Она – полная, если не сказать толстая, с русыми косами, уверенная в себе и очень сердитая.

Стол в отдалении заняли молчаливый азиат «китаец, кореец, казах?..», так называемое «лицо кавказской национальности» (грузин лет сорока, волосатый, с наглыми глазами навывате), и Илья, изгнанный из «высшего общества».

В меню значились блюда русской, французской, китайской, индийской, японской, итальянской и бог знает каких еще кухонь – Юлька не долистала до конца. Впечатлял и список напитков – от пресловутой кока-колы и зеленого чая до бордосских вин и коньяка Курвуазье. Есть не хотелось, но необходимо было сосредоточиться и выбрать что-нибудь из этого изобилия. Откуда-то появилась тетушка Адамина и стала подходить к каждому, принимая заказы. Юлька решила на творожно-банановую запеканку и яблочный сок для дочери, а для себя попросила утку по-пекински и бокал белого вина.

– Рискну посоветовать Шенен Блан, чудесное белое вино, моя дорогая, и прекрасно подходит к утке, – наклонилась к ней тетушка Адамина.

Юлька кивнула:

– Вам виднее, я в этом совершенно не разбираюсь.

– Все впереди, деточка, – улыбнулась тетушка и переместилась к Соне.

Еда оказалась превосходной. Сочные кусочки утки, завернутые в тончайшие блинчики с луком пореем и тонко нарезанным огурцом, имели потрясающе хрустящую кожицу. Вино

было бесподобно, пышная запеканка пахла так, что даже Соня невольно шевельнула кончиком носа, принюхиваясь. Впрочем, перед ней самой стояла огромная тарелка с приготовленным на гриле стейком из семги и золотистой жареной картошкой.

Сашка за обе щеки уминала запеканку и исподтишка наблюдала за Соней. Та пару раз подмигнула девочке и сложила из салфетки кораблик.

5

Утка, несмотря ни на что, слегка улучшила настроение. Взгляд рассеянно скользил по чужим и знакомым лицам. Вновь задержался на Даниле Александровиче. «Интересно, что общего у них с Яной?». Впрочем, о той, что без труда завладела сердцем Ивана, Юлька не знала практически ничего. Да и о соседе немного.

До катастрофы Данила Александрович работал в засекреченном НИИ где-то в Москве, а его жена вечно пропадала в командировках, появляясь дома от случая к случаю. С детьми у них отчего-то не сложилось, зато имелся в наличии ленивый кот тигрового окраса по прозвищу Барсик. Собственно, благодаря коту они с соседом и познакомились.

...Барсик удрал от хозяев недели через три после Юлькиного переезда. Она возвращалась с Сашкой из поликлиники и вдруг увидела крупного ухоженного кота, который бестолково метался по лестничной площадке второго этажа. Сверху доносилось зычное «кыс-кыс-кыс». Кот нервно разевал пасть в неслышном мяуканье, бил хвостом и явно не понимал, как попасть наверх. Юлька подошла к перилам и крикнула в пролет:

– Это не ваш кот тут переживает?

Послышались быстрые шаги, и сверху сбежал человек лет шестидесяти, в ботинках на толстой подошве, джинсах и добротном теплом свитере.

– Спасибо вам огромное, девушка. Ну, какой дурак, а? Кошку почуял и удрал, я только дверь успел открыть... А по лестнице, представьте себе, так ходить и не научился, боится. Вниз еще кое-как, а наверх... Да сами видите.

Кот при виде хозяина заметно приободрился, пошел тереться об ноги и громко мурлыкать, кося на Юльку желтым глазом.

– Хотите погладить? Он мирный, и вы ему, кажется, понравились.

Юлька поудобнее перехватила Сашку, присела на корточки и прикоснулась ладошкой к теплой шелковистой шерстке. Кот развернулся и прошелся спинкой по ее коленям.

– Как его зовут?

– Барсик, – мужчина улыбнулся, – а меня Данила Александрович.

Он все время смотрел только на нее, и под этим пристальным, откровенно мужским взглядом Юлька смущалась все больше и больше.

– Юлия Алексеевна, а это Саша. Мы недавно переехали, – она улыбнулась скользкой, чуть напряженной улыбкой.

– А где же папа ваш?

Вот из-за этого-то вопроса Юлька и не любила заводить новые знакомства. Она сразу подобралась и перестала улыбаться:

– А нет у нас папы, мы сами сильные, смелые и все можем, – бодро сообщила она, прикидывая, как бы половчее обогнуть высоченного и широкоплечего соседа на узкой лестнице.

Почувствовав перемену в ее настроении, он вежливо свернул разговор:

– Ну, ежели сильным и смелым помощь какая потребуется, то я дома после семи, квартира тридцать девять, седьмой этаж. А за Барсика еще раз спасибо.

Доброжелательно кивнул, одним движением подхватил на руки кота, внимательно глянул и... мимолетно сжал ее пальчики в огромной ладони. Юлька, опешившая от такого панибратства, беспомощно смотрела, как сосед, стремительно перешагивая через ступеньку, под-

нимается наверх. Пришла в себя и двинулась следом, давая себе зарок никогда больше с ним не общаться.

...Кран потек примерно через месяц. В ЖЭКе пообещали обязательно заглянуть через недельку. И не заглянули. Когда Юлька пришла напомнить о себе, на нее многозначительно посмотрели и сообщили, что все мастера заняты и освободятся нескоро. Стало ясно, что пивом сантехнику и коробкой конфет диспетчеру она не отделаётся. А на большее ее бюджет рассчитан не был. Кран тек все сильнее, и Юлька постепенно пришла к мысли, что визита к Даниле Александровичу не избежать. Она чувствовала себя неловко, поскольку не любила навязываться посторонним людям. Тем более, странному соседу. Но выбора, похоже, не оставалось.

...Часов в девять, когда Сашка, наконец, уснула, Юлька набралась наглости и поднялась на седьмой этаж. Сосед открыл почти сразу, будто ждал звонка в прихожей. Все такой же свежесбрившийся, аккуратный и одетый совсем не по-домашнему. Широко улыбнулся, внимательно выслушал сбивчивые объяснения и сказал, что ничем не занят и сейчас подойдет. Действительно, минут через десять он спустился с набором ухоженных немецких инструментов и скрылся в ванной. «Чем мне придется за это расплачиваться, вот вопрос?..», с замиранием сердца подумала Юлька.

Полчаса спустя взбунтовавшийся кран капитулировал, а победитель обстоятельно заваривал чай на ее крошечной кухне. Юлька наблюдала украдкой и никак не могла разобраться. Этот посторонний мужчина старше нее лет на тридцать, годится в отцы и никак не годится в кого-нибудь еще. Тем не менее, его общество доставляет удовольствие. Приятно, когда он вот так нависает, протискивается мимо, замирая на секунду дольше, чем это необходимо. Когда смотрит внимательно, многозначительно и с немимым одобрением... Легкий, ни к чему не обязывающий флирт и непринужденное общение. «Я сошла с ума, я одичала без мужского внимания!»

Беседа затянулась, сосед оказался приятным, тактичным и умным собеседником, умел рассмешить и понравиться, был явным ходоком по дамской части, но рук при этом не распускал. Рассказывал о себе, ни словом не упоминая работу. Только намекнул, что эта тема под запретом. Не затрагивая личные моменты, деликатно выпрашивал подробности Юлькиной биографии. Между ними все чаще проскакивали легкие искорки, а ближе к полуночи атмосфера начала потрескивать от разрядов. Юлька чувствовала, что добром дело не кончится, и никак не могла решить, огорчает это ее или совсем даже наоборот...

Внезапно Данила Александрович поднялся и заторопился домой:

– Завтра на работу, а вставать черт знает в какую рань, засиделись мы с вами что-то, Юленька...

В прихожей он приобнял ее за талию и на секунду крепко прижал к себе. Юлька замерла, не зная, как реагировать, а сосед, как ни в чем не бывало, кивнул на прощание и вышел.

Минут пять она стояла, прислонившись к закрытой двери. «Что это было?..» Предыдущий жизненный опыт ничего полезного подсказать не смог.

Странное знакомство продолжилось.

Поначалу ей казалась своеобразной покровительственно-шутливая манера Данилы Александровича вести беседу. Впрочем, со временем он постепенно исправился и перешел к общению на равных.

Несмотря на то, что сосед был женат, просматривалось в его облике что-то глубоко холостяцкое. Да и в поступках тоже, как отметила про себя Юлька через несколько месяцев. Первоначальное впечатление не обмануло, ходоком Данила Александрович оказался первостатейным. Несколько раз Юлька видела, как из его отмытого до блеска рено выпархивают стильно и дорого одетые девицы. Самой разнообразной внешности, но неизменно симпатичные и знающие себе цену. Складывалось впечатление, что в ход шли как профессионалки, так и слу-

чайные знакомые, возможно, даже привезенные из Москвы. Некоторые попадались на глаза по два-три раза, но не больше. Сосед провожал девушек в подъезд, нашептывал что-то. Красавицы смеялись мелодичным деланным смехом, показывая идеально отбеленные зубки.

Несколько раз Юлька случайно сталкивалась с ними на лестнице, и сосед неизменно сердечно с ней здоровался, окидывал пронзительным взглядом, мимоходом дотрагивался до руки и никоим образом не смущался. Зато смущал Юльку. От этого она сердилась на него и на себя. Ни разу он не намекнул, что жене не следует знать обо всех этих эскападах. Впрочем, Юлька и так не стремилась вступать в беседу с молчаливой и надменной женщиной с бледным лицом, с которой раз в несколько месяцев церемонно раскланивалась во дворе. Она не исключала, что оказалась причислена к остальным пассивам, и это выводило ее из равновесия.

Несмотря на повышенную востребованность, иногда по вечерам, он оставался один и тогда заходил к Юльке в гости. Обычно он являлся часов в восемь, с бутылкой чешской настойки, коньяка или ликера, лимоном, коробкой конфет и какой-нибудь нарезкой. В прихожей дружески, мимолетно приобнимал Юльку за талию. Иногда целовал в щеку, обдавая легким запахом сложного и приятного парфюма и еле слышным – сигаретного дыма. Дежурно рассыпался в комплиментах, сдавал принесенное и проходил в кухню. Был всегда ухожен и, сколько бы ни выпил, оставался трезв.

Данила Александрович всегда знал, чем ее развлечь. Рассказывал смешные байки из своей молодости. Пару раз показывал профессиональные снимки, сделанные женой в поездках. Мелькали Кения, Исландия, Мексика, даже Австралия. Иногда приносил с собой кота, который уютно мурлыкал и с удовольствием дремал у Юльки на коленях.

Мимоходом вкручивал перегоревшие лампочки или чинил дверную ручку.

Если Сашка еще не спала, оставался на кухне и терпеливо ждал, пока Юлька ее уложит. Стеснялся и пытался не попасться девочке на глаза. Сашка, как истинное зеркало, платила Даниле Александровичу той же монетой – воспринимала его как предмет мебели. Такое поведение соседа казалось Юльке странным, но спрашивать о причине она не пыталась – чувствовала, что и эта тема окажется закрытой. Вообще, при внешней мягкости и открытости казалось, что сосед человек жесткий, суровый и временами бывает весьма язвительным. Более близкое знакомство с ним Юльке скорее всего не понравилось бы, но вечерние легкомысленные посиделки более чем устраивали.

Буквально после второй встречи Данила Александрович определил для себя Юлькино материальное положение как бедственное и предложил выход из сложившейся ситуации. При их НИИ существовал небольшой детский сад для детей сотрудников, куда он и устроил по большому благу Юльку и Сашку на три дня в неделю. Одну воспитательницей, а другую – в ясельную группу. Утром он забирал их с собой в Москву, а обратно они обычно добирались своим ходом, на автобусе или электричке.

...Что Юлька внезапно и сильно влюбилась, Данила Александрович понял, кажется, раньше нее. Задал несколько ненавязчиво-наводящих и вроде бы пустяковых вопросов, как-то внезапно помрачнел и перевел разговор на другую тему.

Она уволилась из детского сада, проработав полгода. Деньги, которые приносил Стас, сделали ее попытки заработать хоть что-нибудь бессмысленными, и он предложил ей не мучить себя и Сашку тяжелыми поездками. Юлька с радостью согласилась.

Она снова сидела дома, но почти перестала видаться с соседом. Только изредка он по старой памяти заходил к ним вечером на чай. Стан старался из всех сил держаться ровно и дружелюбно, но Данила Александрович все равно чувствовал напряжение и визиты скоро прекратились.

6

Юлька отпила из бокала.

Сосед о чем-то увлеченно беседовал с военным. Яна сидела выпрямившись, будто проглатывала аршин, смотрела прямо перед собой и участия в беседе не принимала. Казалось, она ничего не видит и не слышит. Военный ее старательно не замечал, его губы болезненно кривились. Данила Александрович изо всех сил пытался втянуть в беседу обоих.

Оказавшиеся за одним столом азиат, грузин и Илья, обедали молча.

Девушка с юношей изредка перебрасывались короткими фразами, от которых юноша все больше мрачнел.

Станислав спорил уже со всеми за столом. В какой-то момент, потеряв терпение, он резко поднялся и решительно направился в сторону ближайшего лифта.

– Станислав Владимирович, не смею задерживать, но хочу предупредить. Вы не найдете выхода на улицу. Я бы на вашем месте вернулась в холл и послушала вместе со всеми то, что мне необходимо до вас донести, – голос тетушки Адамины, очень убедительный и спокойный, остановил его на полдороге. Стас поколебался секунд пять и без возражений вернулся на место.

– Прошу вас, располагайтесь, кому где больше нравится, и приступим.

Девушка с юношей пересели на диван, причем подальше друг от друга. Грузин вольготно развалился в кресле. Яна выбрала самый дальний угол и расположилась на шкуре. Остальные остались за столами.

– Для всех присутствующих, за исключением Станислава Владимировича, не новость, что город Москва перестал существовать. Многие из вас потеряли близких и чудом остались живы. К сожалению, вынуждена сообщить, что пострадала не только Москва. На Земле случилась ядерная война, охватившая почти всю планету. Ударам подверглись многие города, крупнейшие промышленные и стратегические объекты. На вашей планете погибло практически все население, экосистема полностью разрушена. Я говорю «вашей», потому что мы, – она неопределенно повела рукой, – мы не отсюда. Но об этом после...

Она сделала едва уловимую паузу и продолжила:

– Полная очистка и восстановление поверхности планеты нашими силами займет, боюсь, не одно столетие, так что вы у нас в гостях надолго. Привыкайте, приспосабливайтесь, обживайтесь... ибо выйти отсюда возможно только в открытый космос.

А сейчас – ключевые моменты.

Первое. Вы живы и полностью здоровы. Никакой лучевой болезни, хронических и смертельных заболеваний, зубы целы, глаза видят идеально, даже с проблемами психологического плана вроде бы справились (она едва заметно покосилась на рыженькую Соню).

Второе. Мы находимся на... гм... ну, пусть будет станции... над поверхностью вашей планеты на геостационарной... постоянной орбите. Это – один из трех жилых секторов. Станцию опоясывает круговой туннель. Назовем его условно... да хотя бы Бродвей. Он расположен несколькими этажами выше. Лифты к вашим услугам. По Бродвею можно гулять, ездить на лошадях, велосипедах, автомобилях... да на чем угодно. Туннель соединяет между собой жилые сектора, бассейн, бар-дискотеку, медицинский бокс и небольшой зоопарк. Для мгновенного перемещения между секторами пользуйтесь пространственными порталами. Они расположены на Бродвее.

В самом низу станции – вход в обучающее пространство для детей и в три «бесильни». Сразу поясню, «бесильня» – это огромное помещение, в котором, по вашему желанию, может быть воссоздана практически любая среда. Каждый из вас имеет право воспользоваться таким помещением один раз в течение двадцати суток единолично. Или чаще, если будете с кем-нибудь объединяться. Подробности позже.

Станций, таких, как наша, над поверхностью планеты несколько сотен. Перемещение между ними в принципе возможно, но сопряжено с серьезными трудностями, поэтому без крайней необходимости не осуществляется.

Еда. Минимальный набор можно заказывать куда и когда угодно, но совместные трапезы приветствуются. Полное меню действует только в холле.

Третий момент. Репродукция... функция воспроизводства... – тетушка сбилась, обвела взглядом аудиторию и поправилась – деторождение. С этим пока непросто. Новые станции будут строиться, но на это потребуется время. На ближайшие годы принимается следующее правило – если мужчина и женщина желают завести ребенка и на протяжении десяти лет не меняют своего решения, им это разрешается. Без моего согласия ничего не получится.

Теперь немного о нас. Не хочется загружать вас лишней информацией, кому будет интересно, побеседуем позже, в частном порядке... наедине. Мы представляем собой нечто вроде коллективного разума. Очень-очень много мелких разумных частичек, гораздо меньше атома, каждая из которых обладает памятью и приобретенными возможностями остальных. Мы – существа мирные...

– «Не бойтесь, мы ваши друзья»... – нервно хихикнул Илья.

– ...и не хотим причинить вреда кому бы то ни было, – невозмутимо закончила тетушка.

– Зачем вы здесь находились? – это уже Стас.

– На вашей планете, как и на других, мы занимались наблюдением и сбором информации. Соответственно, готовы к вмешательству не были. Когда произошла катастрофа, мы работали небольшими группами, причем на разных материках, и мгновенно объединиться и начать эвакуацию не могли. Мы стали экстренно разрабатывать и строить пригодные для вашей анатомии спасательные капсулы и орбитальные медицинские боксы. Через шесть дней кое-что наспех смонтировали, и началась эвакуация.

Тех немногих, кого сумели и успели, доставили в боксы. Способных выжить самостоятельно среди вас к тому моменту уже не осталось. На реанимацию, восстановление и легкое омоложение ушло почти полтора месяца. Разумеется, омоложение не коснулось Сашеньки, Сони и Яночки – вам пока рановато переживать по поводу возраста, – тетушка Адамина слегка улыбнулась. – Все время, пока вы спали, мы строили станции. Торопились, ошибок много, что-то будет исправлено, что-то вы заметите и подскажите. К сожалению, случившийся аврал потребовал слишком много жизненных ресурсов, так что теперь мы вынуждены взять тайм-аут. В ближайшие десятилетия мы сможем лишь поддерживать, обслуживать и обеспечивать создавшееся хрупкое равновесие. Строить новые станции и восстанавливать планету пока невозможно. С этим придется смириться, ибо никто кроме нас спасательными работами на Земле заниматься не будет. Иные разумные обитатели галактики заботятся исключительно о своих нуждах, а столь склонная к убийству других и суициду разумность никому не интересна, – жестко закончила тетушка.

– И все же, зачем вам все это? Находиться здесь, собирать информацию, тратить силы... И, наконец, спасти нас от нашей же собственной глупости?

– Просто дружеская помощь. Давным-давно мы принесли клятву о спасении всего разумного. И стараемся следовать ей по мере сил.

– Ска-а-ажите, какие добрые... – с сарказмом протянул Илья. – А чем мы за это расплатимся?

– Ничем. Просто живите и, по возможности, получайте удовольствие... – тетушка слабо улыбнулась и небрежно добавила: – Да, чуть не забыла. Из бонусов – ген старения давно изучен, и его работа может быть остановлена или запущена как в обычном, так и в обратном направлении.

– Погодите, погодите, вы хотите сказать, что можете сделать нас моложе?! – неожиданно громко в наступившей тишине, переспросила Инесса.

– Я хочу сказать, что вы вольны выбирать себе любой биологический возраст. Есть один нюанс – процесс запускается в реальном времени, за одну ночь из пенсионерки в школьницу не превратиться.

Глаза Инессы вспыхнули, щеки покрылись легким румянцем. Она украдкой глянула на Стаса, и у Юльки защемило сердце. Остальные разом зашушукались.

– Значит, мы сможем жить вечно? – подала из своего угла голос Яна.

– Практически, да. Уход из жизни предусмотрен только по собственному желанию и, так же, как и рождение ребенка, через десять лет после принятия решения.

– Здорово, – без выражения произнесла Яна.

– Кроме пожеланий по поводу возраста, принимаются заказы на корректировку внешности. В пределах пяти процентов. Проще говоря, немного стройнее, светлее, длиннее, больше. Все, что возможно за счет скрытых ресурсов организма. Без отклонений от генома – никакой чешуи, перьев, умения дышать под водой, светящихся частей тела, инородных вставок и т. д. С этим я вам помогать не собираюсь. Знаю, увы, к чему это приводит... Если хотите – сами изобретайте и пробуйте. Препятствовать не стану, обещаю даже полное восстановление в случае неудач.

– Обалдеть! – тихо и восторженно произнесла крупная девушка с русыми косами.

– Далее. Строго будет соблюдаться приватность. Никто без разрешения не сможет войти в вашу комнату. Коснуться вас без согласия тоже не получится. Вот вы, Инесса, попробуйте дотронуться до Станислава.

Инесса нерешительно протянула руку, но миллиметрах в трех от плеча Стаса натолкнулась на невидимую, мягко спружинившую преграду. Стас, в свою очередь, попытался до нее дотронуться и поднял брови:

– Кажется, я начинаю верить во все это...

– И еще. В силу специфики своего вида, я в любой момент могу узнать, что каждый из вас думает, чувствует и планирует. Эти знания, безусловно, конфиденциальны... эти знания лично ваши, и я обязуюсь ни с кем ими не делиться... без крайней нужды. Тем не менее, всех прошу это учитывать, – она внимательно посмотрела на азиата. Тот, с истинно восточной невозмутимостью, неспешно кивнул.

– А теперь информация к размышлению. Будем считать, что здесь образовалась этакая помесь ветхозаветного ковчега и маленького государства-утопии. Вы оказались в новой, замкнутой, непривычной обстановке, без денежных отношений, без иерархии... Вам долго придется сосуществовать в столь тесном коллективе. Люди подобрались разные, привыкнуть друг к другу будет нелегко. Постарайтесь не ссориться. На пользу это никому не пойдет.

Илья саркастически хмыкнул.

– Возможно, в будущем появятся новые правила... Время покажет. Ну, в общих чертах, вероятно, все. Давайте, наконец, знакомиться. Предлагаю всем представиться.

Девушка с косами назвалась Олесей, ее знакомый – Димой, грузин блеснул зубами и махнул рукой: «Вообще-то Иракли, но можно Ираклий, я уже привык». Военный назвался Павлом Николаевичем, а азиат с едва заметной усмешкой произнес: «Чен Ли». Юлька про себя переименовала его из «азиата» в «китайца». Впрочем, ей показалось, что притворства в нем больше, чем правды, а имя такое же настоящее, как Rolex за сто долларов.

Когда каждый представился, тетушка Адамина продолжила:

– Я всегда к вашим услугам для беседы с глазу на глаз или для общих дискуссий... разговоров. Вопросы или пожелания?

Несколько секунд стояла тишина.

– Возможно ли переселение на другую станцию? – вдруг резко спросила Яна. Военный глянул на нее, будто ножом полоснул.

– Вряд ли. Наша станция заполнялась одной из последних. На других практически не осталось свободных комнат, а там, где остались, обитают иностранцы.

– Я знаю английский.

– Это не сильно поможет. Единственное место, куда, в данный момент, могу предложить переместиться – это станция с арабами.

Яна помолчала.

– Тогда в другой сектор.

– Но почему, Яночка, ведь здесь твой отец?! – вопрос прозвучал как-то формально, будто ответ был известен тетушке Адамине заранее.

– Она права. – Павел Николаевич кашлянул. – Мы не сможем находиться рядом. Только прошу переселить отсюда меня. Все равно куда.

Яна, чуть прищурившись, смотрела в стену и молчала.

– Понимаю... Ну, что ж, к арабам, Павел Николаевич?

– Да хоть и к арабам, выучу я их язык. Времени, как я понимаю, теперь на все хватит.

– Хорошо, возвращайтесь в свою комнату. Я скоро подойду, мы все обсудим и решим окончательно.

Военный поднялся, отрывисто кивнул, сухо произнес в пространство: «Всем счастливо оставаться», пожал руку Даниле Александровичу, не удостоил Яну даже взглядом и торопливо ушел к себе. Наступило молчание.

– Что смотрите? – беспомощно и зло выкрикнула Яна. Вскочила и убежала в свою комнату, хлопнув дверью.

7

После того, как Павел Николаевич и Яна покинули холл, вопросы иссякли сами собой. Тетушка Адамина на время покинула шокированное новостями общество, предоставив нечаянным пленникам возможность осмотреться и немного прийти в себя.

Юлька пребывала в растерянности, не зная, вернуться ли в комнату или отправиться на разведку. Сосед возник у нее за спиной:

– Здравствуйте, Юлия.

– Здравствуйте, Данила Александрович, рада вас видеть... живым.

– Взаимно, Юленька, взаимно.

– А... ваша жена?

– Ничего утешительного. Ни на одной станции ее нет.

– Соболезную... – Юлька никогда не знала, что говорить в таких случаях. Любые слова выглядели одинаково бессмысленно и глупо.

– Спасибо, – он на секунду опустил глаза.

Сашка с интересом оглядывалась по сторонам, приплясывала от нетерпения и сыпала бесконечными «а там что?», «мама, а это зачем?», «а это куда?». Сосед чуть улыбнулся:

– Какие планы, Юленька? Не хотите составить мне компанию и прогуляться по Бродвею?

– Мама, да, да!

Юлька вымученно улыбнулась и кивнула. У лифта они столкнулись со Стасом, Марком, Инессой и Еленой Дмитриевной. Сплотившаяся за последние несколько часов четверка тоже решила устроить себе экскурсию. Все вместе они поднялись на верхний уровень и очутились в небольшом помещении. Слева пространство до потолка занимали широкие раздвижные ворота, напротив матово светилась шахта второго лифта, двери справа вели, по всей видимости, на Бродвей. Данила Александрович, Стас и Юлька из любопытства подошли к воротам, створки которых при их приближении начали открываться. За створками обнаружилась вместительная кабина, похожая на лифтовую. Непрозрачные стены, и всего три кнопки с надпи-

сями «Первый сектор. Бар-дискотека», «Третий сектор. Бассейн» и «Зоопарк». По-видимому, это и был обещанный тетушкой портал. С ним решили пока не экспериментировать.

Они вышли на Бродвей и замерли, восхищенные и подавленные одновременно. Вселенная, холодная и равнодушная, смотрела мимо, не замечая. Затемненный там, где на него попадал прямой солнечный свет, прозрачный арочный туннель защищал от излучений и разницы температур, но не мог избавить от ощущений.

– Удивительно подходящее место для тех, кто всю жизнь мечтал почувствовать себя микробом... – задирая вверх голову и плотнее кутаясь в шаль, попыталась сострить Елена Дмитриевна.

Здесь было не холодно, скорее тепло, но леденящая чернота и пустота снаружи заставляла зябко ежиться. Внизу виднелась наглухо закрытая облаками Земля. Диск Луны, напротив, был виден намного лучше и контрастнее, чем обычно. Солнце, приглушенное защитой туннеля, выглядело почти привычно.

Они не спеша двинулись по пешеходной дорожке направо. Все молчали и чувствовали себя не в своей тарелке. Открытый участок кольца вскоре сменился закрытым. Теплая цветовая палитра, по сторонам, на ухоженном газоне, деревья и кусты. Справа, вдоль дорожки, по отполированным водой разноцветным камням, бежал узкий, но шумный ручеек.

Размеры Бродвея потрясали. Расстояние до верхней точки туннеля достигало метров двенадцати. Ширина трасс разного назначения, от метровой велосипедной до трехметровой автомобильной, а их было не меньше восьми в каждую сторону, составляла метров тридцать. Над пешеходной дорожкой то здесь, то там, нависали площадки разнообразных очертаний со столами и уютными на вид диванами. Наверх предполагалось забираться по ажурным винтовым лесенкам. Сашка, со свойственной детской психике гибкостью, освоилась быстрее остальных, залезла на пару площадок и попрыгала на диване.

Через сотню метров они вышли к парковке с несколькими автомобилями, мотоциклами, велосипедами и даже самокатами. Сашка углядела среди прочего изобилия любимые игрушки – трехколесные велосипеды и категорически отказалась двигаться дальше. Юлька разрешила ей выбрать любой. Поминутно застревая и врезаясь в пружинящий бордюр, малышка выписывала на велосипеде петли и восьмерки. Юлька, а с ней и Данила Александрович, поневоле отстали от остальных и теперь неторопливо прогуливались бок о бок.

– Юленька, а Станислав... Почему он не с вами? Вы поссорились?

– Нет, все гораздо хуже. Он потерял память и совсем нас не помнит. Ни меня, ни Сашку.

– То-то я смотрю, он на меня как на незнакомого смотрит, даже не поздоровался. И какие прогнозы?

– Неутешительные. Тетушка Адамина утверждает, что память не вернется к нему никогда.

– То есть, вы остались совсем одни? – она оступилась, сосед поймал ее под локоть и забыл отпустить.

– Да, можно сказать и так. Только... я без него жить не могу и обязательно постараюсь вернуть.

Они, не сговариваясь, посмотрели на идущих впереди. Марк и Елена Дмитриевна понуро брели, погрузившись каждый в свои невеселые думы. Инесса держала Стаса под руку, оба смеялись, что-то оживленно обсуждая. Великолепная пара. Смуглые, стройные, темноволосые, они походили на брата и сестру. Инесса выглядела удивительно молодо и казалась лишь немногим старше своего спутника. Высокие скулы, слегка удлиненные к уголкам выразительные глаза, четко очерченные, приоткрытые в полуулыбке губы – она была хороша. Ко всему прочему, в глазах Стаса искрилась легкая заинтересованность, так знакомая Юльке...

Она некоторое время шла молча, заставляя себя дышать и жить.

Сосед деликатно воздержался от комментариев.

– Данила Александрович, можно спросить? Если это не секрет, конечно... откуда вы знаете Яну?

– Вы знакомы? – он с чуткой готовностью сменил тему.

– В некотором смысле... – уклончиво ответила Юлька.

– Мир, и правда, тесен. Мы с Павлом работали вместе, в соседних отделах, приятельствовали помаленьку. Он в дочери души не чаял, пылинки сдувал, особенно после смерти жены. На работу она к нему часто забегала, по делу или просто так. Привлекательная девушка. И неординарная. Умеет добиваться своего...

– Что же между ними произошло?

– Не представляю. В тот день, когда все случилось, Яна около пяти заехала в институт. Выглядела веселой, вся светилась. Я как раз спускался в кафе и видел, как она входила. И китайца нашего, кажется, через проходную провела. Впрочем, наверняка утверждать не возьмусь – когда Павел подошел, китаец сидел за соседним столом, и она их друг другу не представила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.